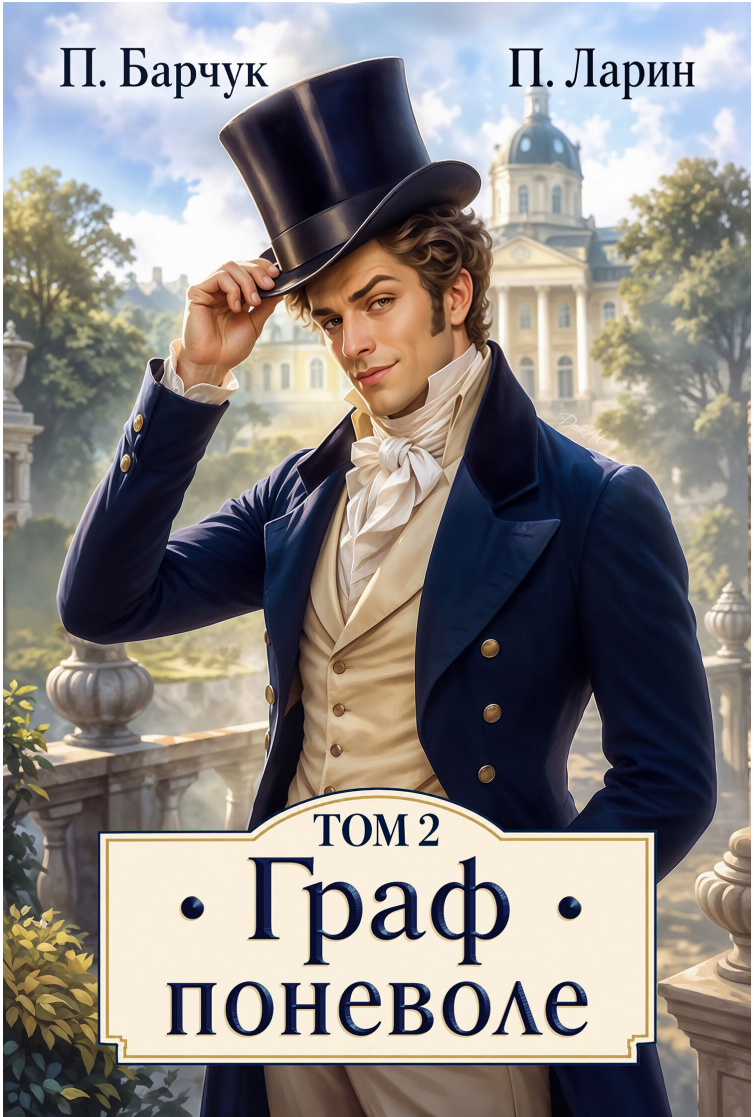

П. Барчук
П. Ларин
ТОМ 2
• Граф •
поневоле

Павел Ларин
Павел Барчук

Граф поневоле. Книга вторая

Серия «Граф Вельяминов», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74772246

Аннотация

Умереть от пули киллера – обидно. Очнуться в 1827 году – странно. Обнаружить, что я теперь двадцатилетний граф, а моё имение разорено, – перебор.

Хотя…

Жив, молод, с титулом – уже хорошо. С остальным как-нибудь разберусь. В прошлой жизни я умел решать безнадёжные дела.

Так что держитесь, господа. Вы ещё не знаете, кого к вам занесло.

Содержание

Глава 1: Главное в ходе расследования – не выйти на самих себя 4
Глава 2: Будет день – будет пища 20
Глава 3: Кто рано встаёт, тому Бог подаёт 35
Глава 4: Мёртвые сраму не имут. Живые – сколько угодно 52
Глава 5: Весь мир театр, а люди в нём актеры 72
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Павел Барчук, Павел Ларин
Граф поневоле.
Книга вторая

Глава 1: Главное в ходе расследования – не выйти на самих себя

– Значит, говорите, заблудились? – спросил Евсей Мартынович Пряников, изучая мою физиономию пристальным взглядом.

Взгляд был такой, коим смотрят на здоровую кучу навоза, в которую вляпались дважды.

Сидел господин Пряников на том самом стуле, с которого пару часов назад сползал на пол Пров Матвеич. Только бывший управляющий помещался на краешке, а Евсею Мартыновичу не хватало и целого.

– Так и есть, – ответил я с невозмутимым видом. – Ехали, ехали. Смотрю – Пронино. Вот так, думаю, совпадение. Дайка зайду к Прову Матвеичу, поздороваюсь.

– Поздоровались? – абсолютно серьёзным тоном поинтересовался исправник.

– Ну как видите. – Я развёл руками.

Пряников кивнул. Посмотрел на окно. Оно так и было открыто нараспашку.

– А что ж это Пров Матвеич, сказывают, в окна прыгать начал? – спросил Евсей Мартынович.

Легко так спросил, будто мы не очередное убийство расследуем, а встретились обсудить последние сплетни.

– Так мне почём знать, – очень натурально удивился я. – Чужая душа – потёмки. Может, ему доктор посоветовал для сердца. Говорят, полезно совершать лёгкие пробежки.

– Пробежки – это да… – согласился исправник. – А вот относительно прыжков через окна сильно не уверен, ваше сиятельство. Да и нож в спине, знаете, здоровьица не добавляет. И вот ещё чего не пойму… Как вы ухитрились заблудиться в противоположной стороне от родного имения? Ежли домой направлялись, так должны были по другой дороге…

– Кучер мой свернул не туда, – без малейшего зазрения совести свалил я всё на Тимофея. – Вы спросите, он подтвердит.

Про себя подумал: конечно, подтвердит. Я ж ему так и велел. Говорить, будто мы дорогу попутали.

– Кучера вашего я нынче уже слушал, – кивнул Пряников. – Он ко мне явился снова прямо в дом. Я, знаете, только успел со службы удалиться. Вошёл ваш кучер и с порога опять – зарезали, говорит. Я уж, грешным делом, поду-

мал, умом он тронулся. Думаю, как зарезали, кого? Опять графа? Так зачем его по второму разу резать? Мне же, видите, в чём дело, и в голову не пришло, что на этот раз кто-то удумал резать вашего бывшего управляющего. Прямо напасть какая-то. Где вы не появляетесь, непременно кто-то в кого-то тычет всякими посторонними, но крайне острыми предметами.

– И не говорите, Евсей Мартынович, – вздохнул я.

Наша беседа с исправником началась ещё минут десять назад. Я намертво стоял на той версии, что попал в Пронино случайно. Пряников упорно пытался подвести к тому, что «его сиятельство» врёт наглым образом. Вот мы с ним и занимались словесной эквилибристикой.

На самом деле сразу, как стало понятно, что господин Сычёв самым скотским образом изволил отдать концы, Тимофея за исправником отправил я сам.

К дому Прова Матвеича на тот момент уже собралась вся деревня. Бабы, ребятня, мужики, которые не заняты делами. Среди этой толпы мне даже удалось найти одного самого разумного. Им оказался выборный, который у казённых крестьян вместо старосты.

Он-то мне и пояснил, что тропа, на которой нашли Сычёва, ведёт к речке, а за речкой как раз начинается куриловская земля. То есть моя. И, судя по всему, бежал управляющий именно в Куриловку. Интересный факт, однако…

Прова Матвеича мы трогать не стали, он так и валялся

посреди тропинки. Опять же, это я запретил. Чтобы никто не лез к покойному, поставил двух мужиков его охранять. Ну а потом уже отправил кучера в Епифань.

Делать мне этого ужасно не хотелось. Сразу представлял Евсея Мартыновича и его мрачную физиономию. Сегодня он точно старшего приятеля семьи разыгрывать не будет. Впрочем, думаю, не только сегодня. После второго трупа я попаду в список особенно неугодных персон.

Ждать пришлось почти два часа. И я это время провёл с пользой. О чём, конечно, никому кроме Сеньки не было известно. Обыскал дом Сычёва.

Чтобы никто этого не видел, сначала избавился от свидетелей. Савву отправил за едой. Заявил, что граф с утра не евши, а господин исправник приедет и вовсе голодный. Мельник подумал, решил – исправника точно накормить надо, он человек нужный, и отправился за пирогами. Остальных местных пришлось припугнуть тем, что господин исправник первым делом будет опрашивать тех, кто возле дома отирается. Не успел моргнуть, всю толпу любопытных как ветром сдуло.

Сеньку поставил на крыльцо. Велел кашлять, если кто сунется.

– Барин, а мы чего ищем? – шёпотом спросил он. – Кубышку?

– Ага, её, – ответил я Сеньке, не вдаваясь в подробности. Больно он у меня разговорчивый, когда не надо. Пусть

лучше думает, что молодой граф решил поправить финансовое положение за счёт помершего Прова Матвеича.

– И то верно, – затряс головой Арсений. – Прову-то оно уже ни к чему. Да? Разве ж оно на тот свет богатство заберёшь? К тому же оно всё ваше. У вас ведь наворовал, стервец.

Я поблагодарил Сеньку за поддержку и велел бдить. Сам пошёл в дом. К счастью, он оказался не таким большим, как мне показалось сначала. Горница, где мы с ним беседовали, ещё одна комната, типа спальня, и кухня с печью. Обыскать всё это можно за полчаса. Если, конечно, знать, где искать.

Начал с сундука. Сундук оказался заперт. Ключ, надо думать, при хозяине, а хозяин за сараем, и караулят его двое мужиков. Вот чёрт. Не учел. С сундуком пришлось повременить.

Проверил стол, полки, заглянул под кровать, под перину и даже в печь. Нашёл праздничный кафтан, две пары сапог и целую батарею склянок с какими-то настойками.

Минут через двадцать пришлось признать, что сам не справлюсь. Высунулся на крыльцо.

– Сенька, а где у вас мужики обычно деньги прячут? Или… бумаги какие-нибудь важные?

– Дык известно где, барин, – оживился слуга. – Серебро в подполе, в горшке. А ежли бумажные, так те за образа кладут. Чтоб мыши не погрызли. Ну и чтоб Господь приглядывал.

Я кивнул Сеньке и снова вернулся к обыску.

В углу горницы, как и положено, на полке стояли иконы. Три штуки.

За самой большой лежал свёрток. Обычная тряпица, перевязанная бечёвкой. Не знаю, приглядывал ли за ней Господь, но мыши точно не добрались.

Внутри оказались вольная с печатью, несколько расписок и тетрадь, сшитая нитками. Вольную я сразу положил обратно, мне она без надобности. А вот тетрадь открыл.

Слева числа, справа суммы, посередине пометки в два-три слова. Приход, расход. Чёрная бухгалтерия, она и в 1827 году чёрная бухгалтерия. Такое мне попадалось сотни раз. Любой вор, если он ворует долго и аккуратно, обязательно ведёт записи. Иначе сам запутается, у кого сколько взял и с кем не поделился.

Разбираться подробно было некогда, успел посмотреть только конец. Последнюю запись Пров Матвеич сделал неделю назад. Батюшка выгнал его ещё по зиме, а деньги, выходит, кто-то платит до сих пор. Вопрос – кто. Имён в тетради не было, одни цифры и какие-то непонятные пометки.

О как интересно.

Тетрадь вместе с расписками сунул под жилет, сюртук застегнул на все пуговицы. В такую жару это выглядело, наверное, странно. Но лучше уж потеть, чем объяснять господину исправнику, на кой черт граф Вельяминов вынес из дома покойного записи.

– Нашли? – жадно спросил Сенька, едва я показался на крыльце.

– Нет. Пусто.

Слуга расстроился так, будто кубышка эта была его собственная.

– Теперь слушай внимательно, – сказал я. – Спросит исправник, как мы здесь оказались, отвечай: заблудились. Ехали домой, Тимофей свернул не туда.

– Дык мы ж нарочно ехали, барин. Вы же сами велели, в Пронино, мол…

– Заблудились, Сенька.

– Заблудились, – послушно повторил он. Подумал и спросил: – А Тимофей-то знает, что он не туда свернул?

– Знает. Я ему, перед тем как отправить за исправником, всё сказал. И про то, что я в дом заходил, тоже помалкивай.

– Дык понятно. Не дурак же.

На этот счёт у меня имелись сомнения, но озвучивать их я не стал.

Через полчаса появился Савва. Принёс пироги. Поставил блюдо на стол в горнице и снова испарился. Ещё через полчаса приехал исправник. Сначала, как и в прошлый раз, зазвенел колокольчик, потом на улицу влетела тройка. Следом с хмурым лицом ехал Тимофей.

Из тройки Евсей Мартынович выбирался ещё дольше, чем вчера. Увидел меня на крыльце и остановился. Несколько секунд смотрел, потом выдал:

– Ваше сиятельство. Я же вас утром просил. Из имения ни ногой.

– Так я до имения ещё не доехал, Евсей Мартынович. Заблудился.

Пряников ничего не ответил. Вздохнул, вытер лоб платком и велел показывать, где лежит покойный. Следом за исправником появился и Карл Фёдорович со своим неизменным саквояжем.

Дальше всё пошло по уже знакомой схеме. С одной только разницей. За понятыми на этот раз никого посылать не пришлось. Два мужика, которых я поставил караулить Прова Матвеича, так и торчали возле тропинки. Исправник глянул на них, уточнил, чьи будут, и тут же записал обоих в понятые. Мужики такому повороту совсем не обрадовались, но спорить с Евсеем Мартыновичем не рискнули.

Сам я к телу близко не совался, хватило первого раза. Стоял у сарая и слушал. Карл Фёдорович осмотрел Прова Матвеича, вынул нож и сообщил то, что и так было понятно. Убийство. Удар один, сзади, под лопатку. Про несчастный случай Пряников на этот раз даже не заикнулся. А я, признаться, ждал. Очень хотелось послушать, как человек сам ухитрился упасть на нож спиной.

Потом покойного унесли в погреб, до окончания «следственных мероприятия», а исправник пошёл в дом. Ключ от сундука, как я и думал, висел у Сычёва на шее. Сундук открыли при понятых и при мне. Внутри нашлась та самая ку-

бышка. Вернее, шкатулка. Писарь пересчитал: восемьсот сорок рублей ассигнациями. Двадцать одни графские похороны.

Сенька, который подглядывал с крыльца, тихо застонал от разочарования, что денежки ушли не в наши руки.

Только после этого Евсей Мартынович пригласил меня в горницу. Побеседовать. Писаря, того самого, ушастого, усадил в угол, сам устроился напротив. И вот теперь, спустя некоторое время нашей прекрасной беседы, мы вроде как зашли в тупик.

Пряников побарабанил пальцами по столу, накрытому скатертью. С непередаваемой тоской посмотрел на окно, потом на меня, потом на блюдо с пирогами, к которым за всё это время так и не притронулся.

– Ну что ж, ваше сиятельство, – сказал он наконец ласковым голосом. – Раз вы до собственного имения дорогу найти не можете, пожалуй, поговорю с тем, кто в дорогах должен разбираться поприличнее.

– Тимофея? – с надеждой спросил я.

Кучер у меня молодец. Из него слова не вытянешь. Он сто процентов будет рассказывать только то, что велено.

– Кучера? – Евсей Мартынович задумчиво пожевал губами. – Нет, Аркадий Петрович. С вашим кучером беседовать – это, знаете, надо сразу доктора звать. Чтобы он капель от нервической болезни накапал. А Карл Фёдорович у нас нынче уставший, – Затем, не оборачиваясь, велел писарю: – По-

зови-ка человека его сиятельства. Арсения.

Писарь отложил перо и выскочил в сени.

Вот чёрт… Арсений – это не есть хорошо. Он от усердия и желания защитить барина может очень много лишнего наговорить.

Сенька вошёл бочком. Шапку он мял в руках с такой силой, будто собирался выжать из неё несуществующую воду. Встал у порога, на исправника посмотрел с опаской, на меня – с надеждой.

– Ну-ка, голубчик, – начал Евсей Мартынович. – Расскажи, как вы в Пронине очутились.

– Заблудились, ваше благородие! – тут же выпалил Сенька. Слишком громко и слишком быстро. – Ехали домой, а Тимофей свернул не туда.

Исправник нахмурился, тихонько крякнул себе под нос. Ответ слуги его явно не порадовал.

Однако Сенька на этом не остановился. Видимо, решил, что одной фразы для исправника маловато, уважаемому человеку надобно рассказывать подробно.

– Он у нас завсегда не туда сворачивает, – доверительно сообщил слуга, понизив голос. – Прошлым годом в Тулу поехали, так под Ефремовом очутились. Лошади у нас такие, ваше благородие. Дурные. Куда хотят, туда и везут. Особливо левая.

– А правая? – с живым интересом спросил Пряников.

– А правая за левой, – развёл руками Сенька.

Евсей Мартынович кивнул с самым серьёзным видом, будто ему только что открыли важную государственную тайну. Писарь, который успел вернуться в свой угол, старательно скрипел пером. Боюсь даже представить, как в протоколе будет выглядеть правая лошадь.

Тут дверь из сеней приоткрылась. Сначала в щель просунулся живот. Потом, следом за животом, появился и сам мельник. Шапку Савва по привычке прижимал к пузу.

– Ваше благородие, – заботливо поинтересовался он. – Может, ещё пирогов подать-то?

– А, мельник, – обрадовался Пряников. – Заходи, заходи. Ты-то мне и нужен. Вопрос к тебе имеется.

Савва замер на пороге. Румянец сошёл с его физиономии так же быстро, как днём у ворот.

– Мешок я вернул! – выпалил он. – Ещё на Николу, вот вам крест!

Пряников растерянно моргнул. Посмотрел на Савву, будто сомневается, в своём ли он уме.

– Какой мешок? – спросил исправник после короткой паузы.

Мельник подумал буквально пару секунд, а потом с абсолютно невозмутимым лицом, с наичестнейшим взглядом твёрдо ответил:

– Никакой.

– Мешок писать, ваше благородие? – поднял голову писарь.

Евсей Мартынович оглянулся на подчинённого с таким выражением лица, что мне за ушастого стало волнительно. Рука исправника сама потянулась к блюду с пирогами. Есть ощущение, один из них Евсей Мартынович хотел сунуть писарю в глотку, чтобы тот уже не задавал тупых вопросов. Но сдержался.

– Не надо про мешок, – произнёс Пряников напряжённым тоном, затем снова вернулся к расспросам мельника. – Ты, стало быть, первым весть принёс? О смерти графа Вельяминова?

– Не я! – Савва ткнул пальцем в Сеньку. – Он! Человек барский мне сказывал!

– Я не сказывал! – возмутился Сенька. – Он сам спросил!

– Я спросил, чего барин такой сердитый приехали, – пояснил мельник исправнику. – А он мне: так батюшку ихнего вчерась ночью…

– Позавчерась! – встрял Сенька.

– …позавчерась саблей. И показал.

– Не показывал я!

– Показывал! Кнутовищем! У Тимофея взял и как пырнёт в ворота!

– Не в ворота, а в столб!

– В ворота!

– В столб!

Пряников переводил взгляд с одного на другого и мрачнел лицом всё больше и больше. Исправник начал подозревать,

что мысль допросить Сеньку была не такой уж умной.

– Тихо! – рявкнул вдруг он. Видимо, терпение начало покидать господина Пряникова. – Оба тихо! Савва, ты рассказывай. Дальше что было?

– А дальше я в дом пошёл. – Савва приосанился. Видимо, понял, что начинается самое главное, а самое главное в этом деле – он. – Неужто, говорю, правда? А Пров Матвеич как побелеют! Да как прыгнут в окно!

– А его сиятельство? – Пряников аж вперёд подался от нетерпения.

– А его сиятельство следом хотели! – с гордостью сообщил мельник. – Да я не пустил! За ноги держал! Крепко держал, ваше благородие, вот вам крест. Не вырвались.

Евсей Мартынович поморщился, быстро глянул на меня, снова сел прямо.

– Долго держал? – спросил он ровным голосом, будто его совсем не волнует данный вопрос.

– Долго! – Савва помял шапку, потом вытер ею собственное лицо. Оно у него раскраснелось и блестело от пота. – Покуда барин не пообещал через окна не прыгать. Я ж как рассудил: а ну если его сиятельство ноги сломает? Так потом что? Потом приедете вы, господин исправник, и скажете: ты пошто, Савва, барина покалечил?

– За обе ноги писать, ваше благородие? – уточнил писарь из своего угла.

Мельник недовольно покосился на ушастого. Мол, зачем

перебиваешь на самом интересном месте?

– За обе пиши, – отмахнулся Пряников. Ему, по-моему, уже было немного всё равно, что за чушь настрочит писарь.

Я вообще пока молча сидел на своём месте и в разговор не встревал. Хотя, скрывать не буду, на душе было очень даже радостно. Только что мельник обеспечил меня отличным алиби.

Пока Прова Матвеича убивали, этот дурной толстяк висел на моих ногах. Потом, когда я выскочил из дома и побежал по тропинке, мёртвый Сычёв обнаружился сразу. Не успел я на него наткнуться, тут же на месте преступления нарисовался Сенька, который решил бежать со мной, и с другой стороны вынырнул какой-то пацан из местных. Тому больно было интересно, чего это сам граф Вельяминов бегает по деревне с выпученными глазами.

– А скажи-ка, голубчик, – ласково обратился Пряников к мельнику. – Когда его сиятельство давеча приехали, они к кому разговор имели?

– Ко мне! – Савва снова расцвёл. – Прощелыгой назвали. Разговор, говорят, к тебе имеется…

Пряников повернулся ко мне.

– Это как же понимать, ваше сиятельство? Сказывали, мол, заблудились, хотели Прова Матвеича проведать, а теперь выясняется, что разговор был к мельнику?

– Как его увидел, так и вспомнил, – не моргнув глазом ответил я. – Про мешок. А он тут как тут, у ворот стоит.

Удачно вышло. Не мешок стоит, как понимаете. Мельник.

Сенька, который целых пять минут молчал, вдруг решил прийти барину на помощь.

– Дык барин его поначалу за Прова Ма… – начал слуга объяснять исправнику.

– Арсений, – одёрнул я.

– …за Прова Матвеича не приняли, – без запинки закончил он. – Ни в коем разе. Сразу признали, что мельник. По животу.

Евсей Мартынович долго смотрел на Сеньку. Потом на меня. Лицо я держал совершенно невинное. Сенька, глядя на меня, старался сделать то же самое. Получалось у него, надо признать, хуже.

– Ступайте, – сказал наконец Пряников моему слуге и мельнику. – Оба.

– А пироги? – забеспокоился Савва.

– Пироги неси ещё, – великодушно разрешил исправник.

Мельник просиял, будто ему простили все грехи разом, и, кланяясь, выкатился в сени. Сенька выскочил следом, напоследок бросив на меня взгляд человека, который только что в одиночку выиграл войну.

– Тимофея позови, – велел исправник писарю.

Вот тут я совершенно успокоился. Если в этом доме и имелся кто-то, способный выдержать допрос у Пряникова, это мой кучер.

Тимофей вошёл, снял шапку, встал у двери. На исправни-

ка он смотрел точно так же, как обычно смотрел на лошадиные уши.

– Ты где не туда свернул? – без предисловий спросил Евсей Мартынович.

– Там, – ответил Тимофей.

– Где – там?

Кучер подумал.

– Где не туда.

Пряников долго молчал. Потом посмотрел на блюдо, взял пирог и откусил.

– Пиши, – велел он писарю с набитым ртом. – Свернул, где не туда. Один черт мы ничего другого не услышим.

Глава 2: Будет день – будет пища

Евсей Мартынович доел пирог, вытер пальцы платком, затем начал подниматься со стула. Вставал он точно так же, как вылезал из тройки, – в несколько приёмов. Приподнял зад, крякнул. Опустил. Снова приподнял чуть выше. Сделал ещё один рывок и наконец принял вертикальное положение.

За последний час Пряников добросовестно опросил порядка двух десятков местных, но толку от этого было ноль. Никто ничего не видел. Незнакомых или посторонних людей в том числе. Соответственно, задерживаться в Пронино и дальше смысла не имело.

Я всё это время скромненько сидел на стуле и старался не шевелиться. Чёртова тетрадь елозила под сюртуком от каждого движения.

– Ну что ж, ваше сиятельство, – сообщил исправник. – Дело к вечеру. Пора и честь знать.

– Пора, – с готовностью согласился я.

Откровенно говоря, такое решение меня более чем устраивало. Пряников уедет в Епифань, а я…

Куриловка, если верить выборному, отсюда в двух шагах. Через речку – и вот она. До темноты остаётся часа полтора. Вполне успею глянуть на винокурню, на котлы и на того самого Ерофеича, который выжил Прова Матвеича. Один этот факт уже делает неизвестного винокура вполне сносным че-

ловеком. А домой можно и затемно вернуться. Агафья, конечно, устроит истерику, но ругаться она будет на Сеньку.

– Вот и славно, – расплылся в улыбке исправник. – Стало быть, едем.

– Едем, – кивнул я, пока ещё не улавливая подвоха.

– Вместе, – уточнил Пряников.

Я посмотрел на него внимательнее.

– Вы, ваше сиятельство, нынче уже один раз заблудились, – ласково пояснил Евсей Мартынович. – Кучер у вас, сами говорите, не туда сворачивает. Лошади, как ваш человек сказывал, дурные. Особливо левая. А до Столпова, почитай, двадцать вёрст. Мало ли куда вас снова занесёт. Под Ефремов опять, к примеру. А потом какой-нибудь покойник появится. Нет уж. Я вас до самого дома провожу. Мне нетрудно.

Вот ведь… гад хитроумный…

– Помилуйте, Евсей Мартынович, – попробовал я образумить исправника. – Вам же потом в Епифань. Это какой крюк.

– Ничего страшного, ваше сиятельство, – с дружелюбной улыбкой высказался Пряников. – Так оно спокойнее будет. – Он нахлобучил свою приплюснутую шляпу. – Не обессудьте, но до самого крыльца поедем.

– Как скажете, Евсей Мартынович, – вздохнул я.

Мы со следственной группой вышли на улицу.

Сенька топтался у тарантаса. Меня он встретил с такой

радостью, будто не виделись неделю. Тимофей никак не отреагировал. Он уже сидел на облучке и задумчиво изучал лошадиные уши.

Тронулись мы, надо признать, торжественно. Впереди – наш тарантас. За ним, на почтительном расстоянии, тройка исправника. Ехать сзади Пряников решил, видимо, чтобы держать меня в поле зрения. Мало ли, вдруг граф на ходу выпрыгнет и рванёт в противоположную сторону огородами.

Тут же выяснилась одна неприятная деталь. Тройка исправника и наш тарантас – это, как говорится, две большие разницы. Тимофеевы лошадки шли неторопливой трусцой, как и положено честным работягам к концу трудового дня. Тройке же явно хотелось лететь. Кучер Пряникова изо всех сил натягивал вожжи, кони мотали головами, приплясывали и всем своим видом показывали, как им стыдно плестись за нашей колымагой. Колокольчик под дугой при этом звонил медленно, с расстановкой, в такт шагу. Выходило не как у исправника, а как у похоронной процессии.

Жители Пронино вышли на улицу провожать нас полным составом. Бабы, мужики, ребятня. Давешний пацан, тот самый, что прибежал к сараю, сидел на плетне и таращился во все глаза. Савва стоял у своих ворот, прижимал шапку к животу и кланялся вслед.

– Гляди-ка, – громко сказала одна из крестьянок. – Графа повезли.

– Куды повезли? – спросила другая.

– Известно куды. В острог.

– Дык за что? – усомнилась третья. – Неужто всё-таки душегубец?

– Просто так исправник господ не сопровождает, – со знанием дела пояснил мужик рядом. – Видать, сразу в Сибирь отправят. Эх… До чего же у нас Евсей Мартынович порядочный человек. Граф не граф, а ежли кого убил, будь добр, ступай на рудники…

Сенька, услышав это, оскорбился до глубины души. Привстал в тарантасе, развернулся к толпе местных и звонко сообщил всему Пронину:

– Домой едем! С почётом!

Потом ещё для пущего эффекта помахал рукой. Бабы на всякий случай перекрестились.

Едва мы выехали за околицу, моего слугу прорвало. Он принялся активно, с чувством и вдохновением, рассказывать Тимофею, как Пряников допрашивал их с мельником. Хотя, думаю, в большей мере рассказ предназначался мне. Очень парню хотелось показать свою полезность. А то вдруг барин не заметил.

– Ты б видал, Тимофей! Я ему: заблудились, и всё тут! Он на меня – во! – Сенька выпучил глаза, изображая исправника. – А я на него – во! – Глаза выпучились ещё сильнее. Видимо, это изображался уже сам Сенька. – Он мне: а правая лошадь? А я: а правая за левой! Так он аж побелел весь.

Насколько я помнил, Пряников всего лишь крякнул. Но в

Сенькиной версии исправник с каждой верстой бледнел всё сильнее.

– И мельника я переспорил, – продолжал слуга. – Столб был, а не ворота. А ты, Тимофей, молодец! Ловко ты ему: «Там»! Он и съел. Вместе с пирогом.

Тимофей молча слушал Сенькин стендап. Минут десять. Потом, не оборачиваясь, коротко бросил:

– Ох и брехун ты, Сенька. Я ж за дверьми стоял и всё слышал.

Арсений осёкся на полуслове. Насупился. Обиделся.

Сам я в разговор не встревал. Тетрадь Прова Матвеича упиралась углом мне в рёбра, сюртук был застёгнут на все пуговицы, а шагах в двадцати позади мерно звенел колокольчик исправника. Достать бумаги сейчас и полистать – всё равно что пересчитывать краденое на глазах у городового. Значит, тетрадь подождёт до дома. А Куриловка, видимо, в лучшем случае до послезавтра. Потому как с похорон точно смыться не получится.

Плохо. Очень плохо. Внутри у меня уже зудел и подпрыгивал на месте от нетерпения делец, почуявший свою стихию.

Граф начал ставить завод. Какая прекрасная новость! Ещё и свёкла посажена. Самое время брать всё в свои руки и быстренько доводить производство до ума. К тому же – и это просто великолепная новость – оказывается, Куриловка под папенькины долговые расписки не попадает. Чёрт… Завтра

приедет Гиацинтов, расспрошу его про маменькино наследство. Что там с юридической точки зрения.

А Пётр Николаевич молодец. По уму сделал. Взял для производства землю, которую никто достать не сумеет. Ну, кроме Аркашки. Может, он потому и вызывал сына? Не только ради женитьбы, но и ради документальных тонкостей, связанных с землёй?

В любом случае ситуация налаживается. Ещё с долгами разберусь, и вообще отлично будет. Чёртов управляющий был прав. Завод до ума надо довести. А тут, как ни крути, требуются деньги.

В Столпово въехали в сумерках. Колокольчик сработал лучше любого глашатая. Когда подкатили к усадьбе, на крыльце уже собралась вся дворня.

Первой, разумеется, была Агафья. Увидела тарантас, потом тройку исправника и, судя по выражению лица, мгновенно сложила в голове картину: Аркашеньку везут под конвоем. Старуха слетела со ступеней с такой прытью, что Наум, стоявший рядом, только руками развёл.

– Не отдам! – заголосила она. Встала между тарантасом и тройкой, раскинув руки. – Не дам дитё! Ирод! Стервец!

Последние два слова, если я правильно понимаю, предназначались господину исправнику. Причём сказаны они были вслух. В лицо. Какая, однако, бесстрашная бабка…

Пряников даже бровью не повёл. Приподнял шляпу, кивнул старухе так любезно, будто она пожелала ему доброго

вечера, и повернулся ко мне.

– Доставил в целости, ваше сиятельство. До завтра. На похоронах буду. А покуда, сделайте милость, из имения ни ногой. – Он помолчал. – Очень надеюсь на ваше благоразумие. Есть опасение, что покойники множатся как грибы после дождя не просто так. Думаю, это связано именно с вами. Стоит вам с кем-то поговорить – и вот, пожалуйста, держите свежеубиенный труп. Не хотелось бы вслед за Петром Николаевичем Аркадия Петровича отпевать. Сильно не пойдёт на пользу репутации Епифанского уезда. Ежли у нас графья будут аки мухи изо дня в день…

Исправник многозначительно замолчал.

– Учту, Евсей Мартынович, – кивнул я в ответ.

Пряников махнул кучеру. Тройка рванула с места так, будто за ней гнались. Колокольчик наконец зазвенел как положено – заливисто и часто – и через минуту стих за поворотом.

Агафья опустила руки. Посмотрела на меня, убедилась, что Аркашенька цел, сидит в тарантасе, никто его в острог не тащит, преступником не объявляет. Затем нахмурилась и уставилась на Сеньку, как на врага народа.

– Ты где барина таскал, супостат?! – грозно спросила она. – Ночь на дворе! Ужин третий раз грею!

– Дык заблудились мы, Агафья Тихоновна! – с ходу выпалил Сенька.

Старуха на мгновение задумалась.

– Барин заблудиться не может, – рассудила она. – Значит, ты завёл!

И потянулась к Сенькиным вихрам. Сенька взвизгнул, выскочил из тарантаса, рванул в сторону пруда. Бабуля, недолго думая, подобрала юбки и понеслась вслед за ним.

Пока Агафья гоняла по двору слугу, я поднялся на крыльцо, двинул в спальню. Хотелось уже расстегнуть треклятый сюртук и вытащить тетрадь Сычёва. Пока она мне на пузе мозоль не натёрла.

Пользуясь Сенькиным отсутствием, быстро переоделся, тетрадку сунул под подушку. Постоял, поглядел на кровать, потом матернулся и вытащил обратно. Снова спрятал под сорочку. В этом доме ничего без присмотра оставлять нельзя. Опять какая-нибудь Дарья придёт постель стелить – и всё, тетрадка станет достоянием общественности.

Затем спустился вниз.

Так-то очень сильно хотелось есть. Аж в желудке урчало. Пока Пряников поглощал пироги мельника, я старался лишний раз не двигаться, чтобы не выдать спрятанную финансовую документацию управляющего. А до появления исправника вообще еда мало волновала.

Ужином Агафья кормила меня под личным присмотром. Причём на этот раз категорически настояла, что барин должен есть в столовой, а не в кухне, как крестьянский сын. Нянька стояла над душой, подкладывала то кашицы, то хлебушка и по десятому разу выясняла, не обидел ли Аркашень-

ку «стервец».

Кашица, кстати, огорчила особенно сильно. Во-первых, это была не та, утренняя, что готовит Наум, а во-вторых, я бы с огромным удовольствием откушал мясца. О чём и сообщил няньке. Оказалось, нынче какой-то там Петров пост, и все порядочные православные об этом знают. Поэтому «какое ж мясцо, голубчик», кушайте, что подали.

Сеньки пока нигде не было видно. Видимо, пережидал бурю.

Уйти удалось только через полчаса. Сказал, что устал, валюсь с ног и хочу спать. Агафья перекрестила меня, пообещала разбудить затемно, потому как завтра хоронить батюшку, и наконец-то отстала.

В комнате первым делом запер дверь. Потом зажёг свечу, поставил на стол и только после этого вытащил из-под рубашки тетрадь Сычёва.

Начал с расписок. Их оказалось двенадцать штук. И уже на первой я, признаться, подвис.

«Взял у Прова Матвеева сына сто рублей ассигнациями. Обязуюсь вернуть. Аркадий Вельяминов».

Число третье июня. И тот самый росчерк на последней букве. Витиеватый, как поросячий хвост.

Вторая – опять сто. Третья – пятьдесят. Четвёртая – сто пятьдесят, с припиской: «*к Рождеству непременно*». Остальные в том же духе. Всего вышло шестьсот сорок рублей.

Вот, значит, как оно работало. «Пров Матвеич, дай сто

рублей, батюшке не сказывай». Пров Матвеич и давал. Только не по доброте душевной, а под расписочку. Фрол Игнатьевич держал Аркашку на крючке за тридцать восемь рублей с полтиной. Пров Матвеич – за шестьсот сорок.

Барчук рано или поздно станет барином. А новому барину очень не захочется, чтобы бывший управляющий показывал кому-нибудь такие бумажки.

На остальных расписках стояли другие фамилии. Заполнены бумаги были одним почерком, а вместо подписи стоял крест. Сразу за уточнением, что ввиду неграмотности такого-то и такого-то руку приложил Пров Матвеев сын. Видимо, это были долги крестьян из Пронино.

Расписки я сложил стопочкой, отодвинул в сторону. Потом взялся за тетрадь.

Пров Матвеич, надо отдать ему должное, был аккуратистом. Сказывалась писарская выучка. Каждая запись с новой строки. Слева число и месяц, справа сумма, посередине пара слов. Только слова эти он писал не для людей, а для себя. Так, чтобы самому было понятно, а остальным – нет.

Первые страницы оказались скучными. Овёс, сено, кому-то три рубля, от кого-то пять. Мелочь. Видимо, это и было то самое воровство «по-божески», про которое рассказывал Сенька.

А вот с прошлой осени начиналось интересное. Только читать это «интересное» с наскока не получилось. Сначала нужно было понять, как Пров Матвеич вообще вёл свой счёт.

В прошлой жизни я перелопатил сотни чужих гроссбухов и усвоил одно простое правило: пока не разобрался в системе, цифры ничего не значат. Можно хоть до утра на них пялиться.

Записи шли на обеих страницах разворота. На левой – одни, на правой – другие. Что из этого приход, а что расход, Пров Матвеич, разумеется, не подписал. Зачем? Он-то и так знал.

Я полистал назад, к прошлому лету. И почти сразу наткнулся на знакомое.

Правая страница. *«Июня 3. Арк. П. – 100».*

Вытащил из стопки первую Аркашкину расписку. «Взял у Прова Матвеева сто рублей…» Число – третье июня. Сошлось. Проверил вторую. Тоже сто, тоже на правой странице, и число совпадает. Третья – пятьдесят. Четвёртая – сто пятьдесят. Все семь расписок нашлись в тетради, и все справа. Ну вот и ладно. Значит, справа Пров Матвеич записывал то, что отдал.

Для верности сверил и мужицкие. *«Кузьм. – 5»* стояло справа. А через месяц, уже на левой странице: *«От Кузьм. – 6».*

Дал пять, получил шесть. Пров Матвеич, оказывается, ссужал деревню под проценты. По рублю с пятёрки за месяц. Не всякий ростовщик так берёт.

Ладно. Принцип понятен. Слева – пришло, справа – ушло. К тому же слева почти в каждой строке стояло «от». От Кузь-

мы, от Митрохи, от кого-то ещё. Теперь можно и за осень браться.

Снова вернулся к последним записям. Левая страница. *«Сент. 18. От Т. за чел. – 300».*

Пришло, стало быть. Триста рублей. Сумма для Прова Матвеича огромная. Если не считать Аркашкиных сотен, крупнее двадцати рублей у него до этого ни одной записи не попадалось.

Кто такой Т., совершенно непонятно. А вот «чел.»… Челобитная? Челнок? Человек? Хотя за челнок триста рублей никто не даст, даже в Пронине. Челобитную Пров Матвеич, конечно, написать мог, писарь всё-таки. Только кто ж за неё триста платит?

Человек… «Я человека привёл, как велено было». Это сегодня сказал сам Пров Матвеич, прежде чем схватиться за сердце. И приятного господина из Тулы к батюшке привёл он же. Осенью. Аккурат вскоре после того, как Аркашка уехал в Петербург.

Похоже. Очень похоже. Только «похоже» – это ещё не «так и есть». Пока просто запомнил.

Дальше, весь октябрь и ноябрь, почти каждую неделю повторялось одно и то же. На правой странице: «*Зем. – 3*». На левой, тем же числом*: «От Т. за пл. – 10*».

Тут я крепко задумался. Три рубля ушли какому-то «Зем.». Десять пришли от того же Т. «за пл.». Выходит, Пров Матвеич что-то покупал за три рубля и в тот же день отдавал

этому Т. за десять. Восемь раз подряд.

Что бы это могло быть? Плуг? Платок? Плетень? За плетень десять рублей – чистой воды грабёж.

А потом мне вспомнился Гиацинтов.

«Он прошлой осенью к землемеру нашему уездному наведывался, чуть не всякую неделю. Копии со старых межевых планов просил».

Землемер. «Зем.» Планы. «Пл.»

Если так, то Сычёв платил землемеру по три рубля за копию, а тому самому Т. продавал её за десять. И никакого батюшкиного приказа, на который он ссылался в присутствии, скорее всего, не было.

С декабря записи на левой странице поменялись. Теперь раз в месяц, ровно, как жалованье: «От Т. – 50». Без всяких пометок. Декабрь, январь, февраль, март, апрель, май.

А по зиме батюшка Прова Матвеича выгнал. Значит, неизвестный Т. платил бывшему управляющему уже после того, как тот потерял место. За что? Тетрадь не говорила. Может, за молчание. Может, за то, что Пров при деле остался, только при другом. А может, вперёд, за то, что ему ещё предстояло сделать. Явно не за красивые глаза. Глаза у Прова Матвеича, насколько я помню, были совиные. Там и копейки не дашь.

И последняя запись. Левая страница. Двадцать шестое мая. Неделя назад.

«От Т. – 150. К.»

Снова пришло. И снова от Т. Только теперь с какой-то «К».

Корова? Сто пятьдесят за корову – это надо очень любить коров. Котлы? Котлы, если верить Прову Матвеичу, заказывали в Туле, и платил за них батюшка, а не неведомый Т. своему человеку. Кубышка? Сама себе? Глупость.

Куриловка. Сегодня днём Пров Матвеич очень настойчиво уговаривал меня её продать.

Если «К.» – это Куриловка, то неделю назад за мою будущую подпись уже кто-то заплатил. Батюшка был жив, а Аркашка ещё трясся по дороге из Петербурга. Значит, кто-то заранее знал, что молодой граф вот-вот явится, и готовил ему покупателя.

Тут я себя одёрнул. Слишком много «если». Ещё немного, и настоящий роман сочиню. Мне нужны не романы, а факты.

Факты пока были такие. Через тетрадь Прова Матвеича прошли деньги одного человека, которого он обозначал буквой «Т». В сентябре крупно. Осенью – за что-то, что покупалось у некоего «Зем.». Потом каждый месяц. И неделю назад ещё сто пятьдесят. Всё.

Для порядку сложил на чистом листе всё, что пришло от Т. Триста. Восемьдесят. Триста. Сто пятьдесят. Восемьсот тридцать рублей.

В шкатулке Прова Матвеича писарь насчитал восемьсот сорок. Цифры почти совпадали. Хотя напрямую одно с другим, конечно, не сложишь. Пров и Аркашке ссужал, и му-

жикам, и дом себе отстроил. Совпадение? Может быть. Но цифру я запомнил.

Кто такой Т., тетрадь, разумеется, не говорила. Вариантов у меня имелось немного. Тула. Господин из Тулы. Поверенный из Тулы. Тимофей. Трам-тара-рам. Чёрт его знает!

Что ж, остаётся дождаться завтрашнего дня. На похороны приедет Гиацинтов. С фамилией тульского поверенного. И если эта фамилия начинается на «Т»…

Ладно. Завтра и посмотрим.

Тетрадь и расписки я убрал в батюшкину шкатулку, к матушкиным драгоценностям, и запер. Ключ повесил на шнурке на шею.

Только задул свечу, как в дверь тихонько поскреблись.

– Барин, – донёсся шёпот. – Энто я. Караулить буду. Мало ли.

Следом что-то звякнуло. Судя по звуку, кочерга. Потом зашуршало: Сенька устраивался у двери.

Через две минуты из коридора раздался храп. Караул заступил на пост.

Глава 3: Кто рано встаёт, тому Бог подаёт

Разбудить меня Агафья обещала затемно. Обещание своё старуха сдержала. Правда, вышло у неё не совсем так, как задумывалось.

Сначала в коридоре что-то тяжело грохнулось об пол. Следом звякнуло железо, и на весь дом заорал Сенька:

– Караул! Убивец! Держу-у!

– Пусти, ирод! – заголосили ему в ответ. – Пусти, окаянный, кому говорю!

С кровати я слетел раньше, чем успел толком проснуться. Схватил со стола подсвечник, крутанул ключ в замке и рванул дверь на себя.

На полу в коридоре валялась оброненная свеча. Слава богу, потухшая. А то нам только пожара сейчас не хватало. Рядом со свечой в обнимку барахтались Агафья и Сенька. Слуга одной рукой вцепился старухе в рукав, второй держал кочергу. Замахнуться, правда, так и не решился. Видимо, убивец в темноте показался ему подозрительно мелким. Агафья молотила Сеньку кулачком по спине и требовала свободы.

Что именно произошло, догадаться было несложно. Спал Сенька на этот раз не сидя, как вчера, а лёжа. Поперёк порога. Чтобы убийца, если явится, наверняка об него споткнул-

ся. Убийца не явился. Явилась Агафья.

– Доброе утро, – сказал я и опустил подсвечник.

Сенька замер, разглядел, кого именно поймал, охнул и выпустил рукав. Кочерга второй раз загремела по полу. Агафья поднялась, одёрнула юбку, поправила платок и только после этого развернулась к слуге.

– Ты пошто, ирод, под дверью разлёгся?! – накинулась она на Сеньку.

– Дык караулю! – с достоинством ответил тот, поднимаясь следом. – Барина!

– От кого?!

– От убивца!

– Это я, стало быть, убивец?! Ты что ж, чертяка окаянный, по голосу не признал? Я ж кричала!

Сенька задумался. Причём всерьёз, по-честному, будто ему загадали загадку.

– Почём мне было знать, Агафья Тихоновна, – рассудил он наконец. – Темно. Наступили. Навалились. Хрипите. Убивец, поди, так же ходит. А кричать, знаете, это вовсе не оправдание. А ну как убивец попался хитрый и специально вашим голосом ругается?

– Я хриплю?! – возмутилась бабка.

Из всего Сенькиного монолога она обратила внимание только на эту деталь.

Арсений на всякий случай выставил кочергу перед собой и молча сдал на несколько шагов назад. Наверное, расценил:

сейчас лучше ничего не отвечать. Всё сказанное им будет использовано против него.

Я глянул в окно в конце коридора. Небо за стеклом едва начинало сереть. Даже петухи, и те ещё помалкивали. Зашибись. Петухи спят, а барин уже проснулся.

– Агафья, который сейчас час? – спросил я старуху демонстративно недовольным голосом.

– Так утро уже, Аркашенька, – удивилась она, мгновенно забыв про Сеньку. – Вставать пора, голубчик. Батюшку хоронить надобно.

Утро, по моим прикидкам, ещё и не думало наступать. Часа четыре ночи, не больше. Сейчас светает рано, но Агафья, судя по всему, решила опередить солнце. Из принципа. Хотя батюшка так-то уже никуда не торопится. Вот ведь неугомонная бабка.

– А вынос когда? – поинтересовался я опять же с намёком. Мол, на кой чёрт так рано поднимать на уши весь дом?

– Часу в девятом. Как отец Никодим придёт, понесём батюшку в церкву. Там обедня, а опосля и отпевание, – совершенно игнорируя мои намёки, ответила нянька.

– Зачем же вставать сейчас?

– Положено, – отрезала она.

Против «положено» аргументов у меня не нашлось.

Только после этого я заметил на полу, рядом со свечой, что-то тёмное. То ли свёрток, то ли скомканные вещи. Агафья подхватила это, отряхнула и, не спрашивая разрешения,

понесла в комнату.

– А ты чего встал, чучело? – бросила она через плечо Сеньке. – Воды тащи барину. Умываться.

Тёмное оказалось сюртуком и шляпой. Траурного платья у Аркашки отродясь не водилось, так что Агафья выбрала из графских запасов сюртук потемнее, а на шляпу нашила чёрный креп. Судя по красным глазам старухи, шила она полночи.

Пока Сенька бегал за водой, нянька загибала пальцы, рассказывая мне план на день:

– Отец Никодим к обедне велел быть. Могилу мужики ещё вчерась докопали. Кутью Маруся с вечера поставила, кисель сварили. Вино твоё, соколик, купецкое в леднике стоит. Ключ у меня. – Агафья похлопала себя по боку. – А то мужики раньше времени помянут. Им только дай волю.

Договорить старухе не дали: вернулся Сенька с кувшином. Кочергу он так и не выпустил, держал её под мышкой. Видимо, считал, что караул пока никто не снимал.

Одевался я под присмотром этой парочки. В присутствии Агафьи пришлось согласиться на помощь слуги. Потому как моя попытка сделать всё самостоятельно вызвала у няньки категорическое неприятие. Она заявила, что в Петербурге могу хоть на голове ходить, в «ентой столице нынче одни нехристи, чего только не удумают», а дома «увольте, пущай всё как положено».

Минут через десять процесс подготовки к траурному вы-

ходу был окончен. Рассмотреть себя со стороны возможности не имелось. Все зеркала в доме Агафья ещё во вторник завесила. Но Сенька мой внешний вид оценил максимально высоко.

– Красавец, барин! – Слуга отступил на шаг и восхищённо цокнул языком. – Чисто жених!

Агафья тут же, без малейшей задержки, отвесила ему подзатыльник.

– Типун тебе на язык! Батюшку хороним, а он – жених!

Потом помолчала, подошла ближе, начала поправлять мне ворот.

– Бутримовы, кстати, будут, – сообщила она уже совсем другим тоном, будто речь идёт о чём-то незначительном. – Вчерась от купца посыльный прибегал. Всем семейством, говорит, приедут.

Я покосился на старуху. Выражение лица у неё было такое, будто вовсе не она только что лупила Сеньку за «жениха». Пожалуй, бабуля ничуть не меньше почившего графа желала сосватать Аркашку купеческой дочке.

– Ты бы пригляделся, соколик, – тихонько бубнила Агафья, продолжая мучать воротник. – Варвара Гордеевна, она-то девица приличная. С хорошим приданым опять же. Год траура впереди. Так оно, может, вы бы… ну не знаю… на охоту съездили бы с батюшкой её. А там можно и на ужин их пригласить…

– Ага… – тихонько буркнул Сенька. – Значит, мне за сюр-

тук досталось, а сама…

– Агафья… – Я поймал бабкины руки, осторожно убрал их от своей шеи. – Ты же знаешь, какой из меня охотник. Вот так невзначай подстрелю вместо кабана Гордея Силыча – будет потом веселье. Спасибо за заботу, однако давай мы эту тему пока закроем.

Бабуля насупилась, но замолчала.

Вниз мы спустились втроём. Сенька с кочергой замыкал шествие.

Гроб стоял в гостиной, на столе под образами. Вокруг горели свечи. Над гробом бубнил уже другой дьячок, помоложе. Прежний храпел тут же, на лавке у стены, накрыв лицо шапкой. Храпел, к слову, тоже на одной ноте. Мастерство, как говорится, не спрячешь.

У изголовья стоял Наум. В старом мундире, застёгнутом под самое горло, при медали на голубой ленте. Стоял навытяжку и смотрел перед собой. Судя по всему, стоял он так не первый час.

Пётр Николаевич лежал в парадном мундире, при орденах, как Агафья и хотела. Лицо у графа даже теперь оставалось недовольным. Будто сейчас откроет глаза и спросит, где сын шлялся весь день.

Что полагается делать в таких случаях, я представлял слабо. В прошлой жизни мне уже приходилось хоронить близкого человека, но тогда специальное агентство приехало, всё сделало, и никаких дьячков, кстати, не было. Домой тоже ни-

кого не привозили. Поэтому решил просто постоять рядом.

Выдержал минут десять. Затем у меня вдруг резко обнаружился СДВГ. Начал переступать с ноги на ногу, вертеть головой, вздыхать. Причём всё это лезло из моего нутра само собой. Думаю, дело в том, что хоронить предстояло совершенно чужого человека, на которого мне как бы немного плевать. Ну и, возможно, Аркашкино тело не желало стоять на месте и ничего не делать. Бывший хозяин был у него крайне активный товарищ.

Когда дьячок покосился на меня с неодобрением в третий раз, а нянька выразительно шмыгнула носом, утирая слёзы, стало понятно: надо валить. К нынешней репутации не хватает только добавить слух, что граф Вельяминов у гроба папеньки прыгал на месте как стрекозёл и всем своим видом демонстрировал желание побыстрее предать отца родного земле.

Я сделал максимально печальное лицо – мол, так мне больно и переживательно, что сердце сейчас разорвётся, – перекрестился и начал медленно пятиться к выходу. Удалось даже выдавить слезу. Единственное – задержался возле Наума.

– Ты всю ночь не спал, что ли? – тихо сказал я. – Иди приляг. Хоть на час.

Денщик упрямо мотнул головой, на меня даже не глянул. Смотрел исключительно на восковое лицо графа:

– После, ваше сиятельство.

– Ну после так после, – кивнул я и вышел из комнаты. Хотелось вдохнуть свежего воздуха: от запаха свечей начала кружиться голова.

Чёртов Аркашка. Блажной какой-то. Ладно, вид крови не нравится, теперь-то отчего плохо стало?

На крыльце было зябко. Двор пустой, ворота закрыты. До выноса оставалось очень до хрена, и что делать всё это время, я вообще не имел понятия.

Для начала минут двадцать посидел на ступенях. Потом понял, что все пять часов так не просижу. Во-первых, задница не казённая, во-вторых, того и гляди появится Агафья и снова утащит меня в дом. А мне к мёртвому графу сильно не хочется возвращаться. Всё-таки не моё это – изображать скорбь там, где ею и не пахнет.

В итоге решил пройтись, изучить более детально усадьбу. Хозяйским глазом. Дом и баню я уже видел, всё остальное оставалось тёмным лесом.

К тому же имелся вопрос посерьёзнее. Наум уверял, что ночью чужой сюда не войдёт: ворота заперты, собаки спущены. Проверить лично, так ли тут всё неприступно, лишним не будет.

Спустился с крыльца. Из-за угла дома тут же вылетели две давешние псины. Разогнались было, но признали барина, сбавили ход и пристроились рядом, виляя хвостами. Так втроём и двинули на обход. Почётный караул, не иначе.

Начал с ворот. Добротные, дубовые, в полтора человече-

ских роста. Изнутри их держал засов толщиной с мою руку. От ворот в обе стороны тянулся частокол из заострённых брёвен. Перелезть, конечно, можно. Особенно если очень надо. Только по эту сторону тебя встретят собаки, которые не будут так любезны, как сейчас.

Конюшня стояла справа от ворот. Длинная, бревенчатая, с сенником под крышей. Внутри я насчитал десять стойл. Лошадей – две. Те самые, Тимофеевы, на которых мы мотались по всему уезду. Они повернули ко мне головы, посмотрели без малейшего интереса и снова уткнулись в кормушки.

Восемь пустых стойл. Восемь лошадей, которых нет. Над одним стойлом ещё висела дощечка с вырезанной ножом кличкой: «Буян». Куда делся Буян, гадать не приходилось. Туда же, куда и лес.

В каретном сарае ситуация повторилась. Внутри стояли старые сани, рассохшийся возок и дрожки без одного колеса. Зато на земляном полу отчётливо виднелась колея от широких колёс. Была здесь когда-то вещь посолиднее нашего тарантаса. Была и уехала. Видимо, вслед за Буяном.

Дальше пошло быстрее. Людская изба с закрытыми ставнями. Пустой флигель с заколоченной дверью. Скотный двор, где три коровы при моём появлении замычали так возмущённо, что я сразу предпочёл ретироваться от греха подальше. Амбары под замками. Ледник – земляной холм с дверцей, из-под которой тянуло холодом. Там, надо думать, и стояло купеческое вино.

Хозяйство, в общем, напоминало один завод, который я спасал в девяносто восьмом. Снаружи выглядит прилично, солидно, внутри распродано всё, что можно увезти. Как ещё коровы целы остались.

За амбарами начинался сад. Яблони, вишни, кусты крыжовника, грядки. И вот тут обнаружилась интересная вещь. Частокол, такой надёжный у ворот, до сада не доходил. Упирался в угол амбара и на этом заканчивался. Дальше границу усадьбы обозначала канава, заросшая ивняком. Канава, к слову, не такая уж глубокая. При желании можно перебраться.

Тропинка, ведущая от дома, у канавы сворачивала к пруду. На противоположной стороне начиналась другая. Узкая, утоптанная до твёрдости. То есть ходили по ней не раз и не два. Судя по всему, эта дорожка вела в Столпово.

Зашибись, конечно, логика у Наума. Никто, говорит, не попадёт. Ну да, через ворота, может, так и есть. А если из села дойти до канавы, перебраться через неё, как раз окажешься на территории усадьбы. Заходите, люди добрые, берите что хотите. Единственная надежда – собаки. Если сунется чужой, поднимут лай. Наверное.

Я постоял, посмотрел на тропинку. Потом на собак. Собаки посмотрели на меня. Вид у них был совершенно невинный.

После недолгих раздумий двинулся к пруду. Решил сначала обследовать всё там.

Солнце к этому времени уже лениво выползло на небосклон.

Баня стояла там же, где и в первый день, недалеко от воды. Чуть дальше начинались камыши. А из камышей торчало удилище.

– О как интересно… – тихонько высказался я себе под нос и двинул к неизвестному рыбаку.

Рыбаком оказался пацан лет десяти. Он сидел на корточках, гипнотизировал поплавок. Белобрысый, лохматый, в рубахе, подпоясанной верёвкой, в свободных штанах и босой.

Собаки сорвались с места, подбежали к мальчишке и… радостно начали скакать возле него. Одна даже пыталась лизнуть в ухо.

Пацан, не оборачиваясь, отпихнул её локтем:

– Отстань, дурная. Спугнёшь.

На меня собаки так не реагировали. Хотя Аркашку знали со щенячьего возраста.

– Клюёт? – поинтересовался я.

Пацан обернулся. Увидел барина. Замер. Секунды три смотрел на меня, не мигая, как давеча Пров Матвеич. А потом в одно мгновение активизировался.

Удилище полетело в воду. Сам рыбак вскочил на ноги, метнулся к воде, вытащил кукан с рыбой и попытался затолкать его за пазуху. Расставаться с честно добытым уловом пацану явно не хотелось.

Рыба такому обращению не обрадовалась. Крупный линь,

одиноко висящий на кукане, забился изо всех сил прямо под рубахой. Он так молотил пацана хвостом, что тот от каждого удара ойкал, взвизгивал и подпрыгивал на месте. Со стороны выглядело так, будто у малолетнего любителя рыбалки случился приступ падучей.

– Да успокойся. – Я поймал мальчишку за шиворот, тряхнул его легонько. – Успокойся, чего взметался?

Судя по всему, ловить рыбу в барском пруду тут считается преступлением.

– Барин! – Пацан рухнул на колени, прижимая к животу трепыхающийся улов. – Не губите! Я больше ни в жисть! Тятька выпорет!

– Тятька – это у нас кто?

– Тимофей! Кучер ваш!

Я посмотрел на пацана внимательнее. Белобрысый, вихрастый, тараторит без передышки. Ничего общего с Тимофеем. Хотя, если приглядеться, нос похож. И уши.

– Как звать? – Я отпустил мальчишку.

– Федька!

– Значит так, Федька. – Присел на корточки, чтобы не нависать над ним. – Рыбу оставь себе. Считай, барин дозволил. Тятьке ничего не скажу. Но уговор: я спрашиваю, ты отвечаешь. Честно.

Федька недоверчиво уставился на меня. Линь под рубахой, видимо, тоже прислушивался, потому что затих.

– Ей-богу? – шёпотом уточнил пацан.

– Ей-богу. Часто тут ловишь?

И вот тут Федьку прорвало. Причём так, что Сенька по сравнению с ним показался бы немым.

Выяснилось, что ловит он тут чуть не каждое утро. Затемно приходит, по тропке, через сад. Главное – до старого барина успеть. Старый барин кажное утро выходил вокруг пруда круги нарезать, и тогда Федька нырял в камыши и сидел там тихо, как мышь. Однажды так просидел целый час, ноги затекли, а линь сорвался. Во какой линь. Больше этого.

Видимо, природа в этом семействе соблюдала равновесие. Сколько разговорчивости недодала отцу, столько отсыпала сыну.

– Любопытно… – протянул я, внимательно рассматривая курносую Федькину физиономию.

Значит, пацан тут бывает каждое утро. И в день смерти графа тоже мог быть…

– А как сидел в камышах, видел что-нибудь интересное? Может, пару дней назад или три дня. Или… когда батюшка мой помер?

– Дык много чего! – оживился Федька. – Вот, к примеру, аккурат перед тем, как вы приехали, дня за два, барин на Наума Егорыча гневался. Страсть как гневался! Главное, ещё не рассвело толком, а они уже тут. Возле пруда оба появились. И барин так ругался, так ругался… «Выгоню!» – кричал. «Пойдёшь в Сибирь у меня!»

– Ого… А почему кричал? Из-за чего злился? – спросил

я, пытаясь уложить в голове новую информацию.

А она, эта информация, была крайне любопытной. Уж кто-кто, а денщик себя позиционирует как самого преданного графу человека. И тут вдруг такой поворот. Да ещё Сибирь… Что же Наум сделал?

– Не разобрал. – Федька огорчённо шмыгнул носом. – Далеко было, да и камыш шуршит. Токма и расслышал про Сибирь. А! Ещё барин сказал: «Головой ответишь!» А Наум Егорыч стоял навытяжку и молчал. Барин потом плюнул и ушёл.

Любопытно, однако…

– Говоришь, перед моим приездом?

– Ага, – радостно согласился пацан. – А ещё за день до того Агафья Тихоновна бабу выводила. Нашу, столповскую. Рано-рано, ворота ещё заперты были. Через сад провела, по тропке, туды, где канава, и назад воротилась. И всё оглядывалась.

Я уставился на пацана, пытаясь понять, не врёт ли. Судя по вытаращенным глазам, очень вряд ли. Похоже, мальчишка рассказывал то, что было на самом деле.

Тогда назрел вопрос: это что за прикол такой? Наум срётся с графом перед моим приездом, Агафья баб каких-то в дом таскает. И всё это тайком. Потому что ни один из них, когда опрашивал Пряников, ничего подобного не рассказал. Особенно про посторонних.

Агафья натурально возмущалась, била себя в грудь и го-

ворила, что в усадьбе, кроме тех, кто должен тут быть, никого не бывает. Да и денщик уверенно заявил исправнику, что последнее время Пётр Николаевич был спокоен, всё ждал приезда сына.

И это, ёшкин кот, ближний круг. А я ещё сомневался, мол, вряд ли они подходят на роль убийцы.

– Что за баба? – спросил пацана, стараясь не выдать своего очень сильного интереса.

– Не разглядел, – пожал плечами Федька. – Платок по самые глаза натянула.

– Так откуда ты решил тогда, что столповская? – удивился я.

– Барин… – Мальчишка посмотрел на меня как на слабоумного. – А кому тут ещё быть? Столпово рядом, стало быть, наша и есть.

– Когда это было?

Федька задумался. Сильно задумался.

– Дык… в середу. Али в пятницу. А может, в субботу… Я в тот день трёх карасей взял. Али это в другой день… когда двух?..

Восстановить хронологию событий по карасям нам не удалось. Пришлось двигаться дальше.

– Так, ладно… А ещё что-нибудь необычное видеть приходилось?

Мальчишка снова подвис, пытаясь сообразить, что именно барин считает необычным.

– Ну… – Он нахмурился, прикусил губу. Явно хотел угодить, чтобы Тимофей его потом за несанкционированную рыбалку не выдрал. – Маруська в баню с узлом ходила. Два раза. Заходила с узлом, выходила без. Енто странно? А ещё Дашку видал. Она утром из села прибегала. По тропке.

Я, если честно, прибалдел окончательно. Вот тебе и «мой дом – моя крепость». Шляются все куда хотят, и в основном ночью или под утро.

– Аркашенька-а! – донеслось со стороны дома. – Ты где, сокол мой?!

Я от неожиданности аж вздрогнул. Ну и от того факта, что нянька обо мне всё-таки вспомнила, тоже.

– Ладно, Федька. – Хлопнул мальчишку по плечу. – Как уговорились, отцу не расскажу. А ты вот что… Ходи спокойно рыбу ловить. Каждое утро, как и раньше. Только никому про то не докладывайся. И смотри по сторонам. Если увидишь, что спозаранку кто-то из дворовых снова туда-сюда шастает, мне расскажешь. Но! – Я строго посмотрел на мальчишку. – Сам никуда не лезь. Ясно? Давай так. Окно моей спальни знаешь?

– Конечно, как не знать-то, – удивился Федька. – Я в доме бывал, тятька несколько раз проводил. Агафья меня кашей кормила. Енто по праздникам было, старый барин разрешал.

– Вот и чудно. Значит, если что увидел, бегом несёшься к дому и бросаешь камешек в окно, пока не выгляну. Но делаешь всё тихо. Понял?

Пацан посопел немного. Потом кивнул.

Было ясно, что на самом деле ни черта он не понял, особенно зачем камнями в окно кидаться, но раз барин сказал, что так надо, значит, сомнений быть не может.

Я попрощался с Федькой и двинул обратно к дому, на Агафьин голос.

Ладно, чёрт с ним. С дворней разберусь потом: кто куда по ночам шляется и зачем. С Наумом тоже. А сейчас есть дела поважнее: долги, Куриловка и фамилия, которую везёт мне Гиацинтов.

Глава 4: Мёртвые сраму не имут. Живые – сколько угодно

Агафья обнаружилась на крыльце. Замерла, как статуя, уперев руки в бока, и смотрела на меня осуждающим взглядом. Взгляд был настолько осуждающий, что собаки, бегущие за мной следом, сначала сбились с шага, потом сбавили скорость, а потом вообще остановились и резко изменили направление. Выражения морд у обеих были крайне говорящие. Мол, прости, барин, но к этой бабке мы не пойдём.

Тут же возле крыльца стоял ещё один человек. Никанор Ильич Мухин собственной персоной. Он переминался с ноги на ногу, нервно теребил край сюртука и выглядел, с одной стороны, счастливым, что в свете происходящих событий казалось абсолютно неуместным, с другой – изо всех сил старался казаться горюющим. От этого противоречия лицо помещика каждую минуту кривилось то в улыбке, то в страдательной гримасе.

– Аркашенька! – Стоило мне приблизиться, нянька заметно оживилась. – Вот. Гость к тебе. Видишь, прибыли с утра пораньше, чтобы графа-батюшку, заступника… – Агафья громко всхлипнула, утёрла одинокую слезу краем платка.

Затем бросила весьма выразительный взгляд в сторону

Никанора Ильича. Мол, гнать надо таких гостей поганой метлой. Как, собственно говоря, и поступал папенька.

Мухин, не дожидаясь продолжения, сорвал с головы шляпу и тут же принялся кланяться.

– Ваше сиятельство! Осмелился-с! Чтобы, значит, первым-с. Чтобы в такой день не оставить-с…

Надо признать, если Мухин хотел произвести на меня впечатление своим ранним появлением, ему удалось. До выноса оставалось ещё часа три с лишним, на кой чёрт он припёрся настолько загодя, совершенно было непонятно.

– А в дом чего ж не прошли? – спросил я помещика, игнорируя сигналы няньки.

Мухин покосился на Агафью. Агафья – на Мухина.

– Пётр Николаевич дальше крыльца не пускали, – с достоинством сообщила бабуля. – Вот и я не пущаю. Порядок.

– Совершенно справедливо-с! – радостно закивал Мухин. – Порядок-с! Я и не в претензии…

– Агафья. – Я мрачно посмотрел на бабку. – Пусти. Негоже в такой день человеку отказывать в приёме. Он же с чистой душой и светлыми помыслами. – Обернулся к соседу. – Помыслы, надеюсь, светлые?

– Ой, какие светлые, Аркадий Петрович, – ещё энергичнее затряс головой помещик. – Еду, а сам думаю-с: что же ты, Никанор Ильич, с такими светлыми помыслами в столь трагичный для всех нас день…

Агафья еле слышно фыркнула себе под нос, затем глянула

на меня так, будто ей только что сообщили крайне неприятную весть. Однако посторонилась. Медленно, с тем выражением лица, с каким, наверное, открывают городские ворота неприятелю.

Физиономия Мухина враз озарилась ещё большим счастьем. Видимо, он уже и не чаял когда-нибудь стать завсегдатаем дома Вельяминовых. Никанор Ильич взбежал на крыльцо, подскочил к дверям, замер на пороге. Сначала занёс ногу. Потом осторожно шагнул вперёд. Посмотрел вниз, проверяя, не уходит ли пол из-под ног, не разверзлась ли бездна, из которой сам Пётр Николаевич Вельяминов крикнет: «Пошёл прочь, сволочь бесхребетная!» Только после этого перенёс вес тела вперёд.

– Впервые-с, – прошептал он. – Столько лет по соседству – и впервые-с…

Пока Мухин наслаждался моментом, бестолковясь в дверях, я изучал его внешний вид. Сюртук на помещике был тот же, что и в прошлый раз, доставшийся от деда. Зато на рукавах появились широкие белые манжеты, нашитые поверх сукна, а с тульи шляпы свисал чёрный креп. Длинный, чуть не до пояса. Мой, над которым Агафья корпела полночи, на этом фоне смотрелся как ленточка на коробке конфет.

– Ишь, плерезы нацепил, – зашипела нянька мне в ухо. – Будто родню хоронит.

Что такое плерезы, я не знал. Но, судя по тону Агафьи, Никанор Ильич сильно перескорбел по графу.

Перво-наперво Мухин пожелал проститься с покойным. Отказать человеку в таком желании было бы совсем не по-христиански, так что пришлось вести его в гостиную.

Там Никанор Ильич показал, как надо правильно страдать по усопшему. Едва увидев гроб, он всплеснул руками, издал звук, похожий на скрип несмазанной двери, и зарыдал. Громко, от души, с подвываниями. Рыдал Мухин тоже почтительно, с «-с» на конце.

– Столп-с! Опора-с! На кого ж вы нас-с…

Молодой дьячок сбился с Псалтири, удивлённо уставился на соседа. Его коллега, что спал на лавке, приподнял шапку с лица, оценил ситуацию. Подумал, наверное, что привели какого-то юродивого, дабы тот исполнял роль плакальщиц. Убедился, что юродивый ему знаком, и опустил головной убор обратно, снова погрузившись в сон.

А вот Наум появлению Мухина точно не обрадовался. Денщик нахмурился, зыркнул на меня с осуждением, потом на соседа с негодованием. Взгляд у Наума был такой выразительный, что Никанор Ильич сбился на середине очередного рыдания. Следующий всхлип вышел у соседа на полтона тише, а ещё через один иссяк совсем. Стало понятно: настрадаться вдоволь Никанору Ильичу не дадут.

Наум, конечно, как и Агафья, выгнать неугодного старому графу помещика не сможет, но им и не надо. Они оба так пялились на Мухина, что тот, в поиске поддержки, начал тихонечко клониться на дьячка, стоявшего рядом с усоп-

шим. Дьячок сделал крохотный шажок в сторону. Мухин тоже. При этом угол наклона Никанора Ильича стал ещё больше. Возникало ощущение, что он собирается прилечь служителю церкви на плечо.

Дьячок, не переставая читать, снова чуть сместился влево. Мухин, как загипнотизированный, сделал то же самое. Видимо, в этом доме сосед чувствовал себя спокойно исключительно рядом с тем, кого точно не выгонят. Но при этом Никанор Ильич даже и не думал уходить. Наоборот. Решительность его физиономии свидетельствовала о крепких намерениях во что бы то ни стало проводить графа.

Я понял: пора вмешаться, пока папенькины похороны не превратились в нечто крайне неприличное. Подхватил Мухина под локоток, оторвал его от дьячка и утащил в столовую.

Агафья, поджав губы, проследовала за нами. Почти сразу принесла чаю. Поставила чашку перед гостем с таким раздражением, что чай выплеснулся на блюдце. Мухин рассыпался в благодарностях и немедленно согласился – мол, так даже удобнее, с блюдца-то. Точно не обожжёшься.

На самом деле я, конечно, не только хотел убрать соседа подальше от папеньки, Наума и дьячка, но и намеревался порасспрашивать его обо всём, что этот слизень может знать. А он, несмотря на внешнюю придурковатость, явно любит пособирать всякую информацию, его совершенно не касающуюся.

– Утро нынче тёплое, – начал я разговор с нейтральной темы.

– Чудесное-с! – тут же затряс головой Никанор Ильич.

– Хотя к обеду, пожалуй, польёт.

– Непременно польёт-с! Я по колену чую.

– А может, и не польёт.

– Ни капли-с, – заверил Мухин без малейшей паузы на подумать. – Колено у меня, знаете, тоже не всегда угадывает.

М-да… С таким информатором дело может зайти в тупик. Однако я всё равно попробовал перевести беседу в нужное мне русло.

– Скажите, Никанор Ильич, а завод под Чернью большой?

– Огромный-с! – восторженно выдохнул Мухин. Потом, видимо, сообразил, что сам там ни разу не был, и осторожно добавил: – Или, может, средний-с.

Несколько секунд Никанор Ильич молчал, лихорадочно соображая, что бы ещё такое сказать, чтобы молодой граф видел в нём полезного человека, потом вдруг оживился.

– А немец-то-с! Тот, что с чертежами… Он ведь у Фрола дорогу под Чернь выспрашивал-с! Сам Фрол ему и растолковывал.

Вот это уже кое-что. Под Чернью варят сахар, значит, немец интересовался дорогой неспроста.

Мухин между тем отставил блюдце и вдруг заёрзал. Видно было, что человек собирается с духом.

– Ваше сиятельство… – начал он наконец, преданно глядя

мне в глаза. – Не сочтите за дерзость-с. В такой день, конечно-с… Только ежели вы дело батюшкино продолжить изволите… Завод-с… Я бы-с…

Он запнулся, сглотнул и выпалил разом:

– Пятьсот рублей-с! Мои! Они ведь так и лежат-с. Пётр Николаевич не взяли. А вдруг вы-с…

Я задумчиво уставился на соседа.

Пятьсот рублей ассигнациями. Для постройки завода сумма смешная. Если только на гвозди. С другой стороны, мне понадобятся не только деньги. Компаньон может быть полезен в разных направлениях. Конечно, брать Мухина в полноценные партнёры точно не собираюсь, но некоторую выгоду с него поиметь, думаю, можно.

– Деньги ваши, Никанор Ильич, уж простите, погоды не сделают, – ответил я вполне честно. – Однако если хотите каким-то образом иметь отношение к будущему заводу, расскажите вот что. У меня во владениях находится небезызвестная вам пустошь. Очень она странная. Хочу понять, что с этой землёй не так. Нет ли у вас на примете человечка, который во всём этом разбирается?

– Как нету? Есть! Шурин-с! – Мухин даже привстал со стула. – Шурин мой! Он в земле первейший знаток-с! И в глине, и в камнях, и во всём, что там лежит-с!

Никанор Ильич начал вдохновенно рассказывать о родственнике, и вот что я смог выяснить буквально за пять минут. Шурин Никанора Ильича двадцать лет прослужил на

Урале, на казённых заводах. По горной части. Чин у него имелся какой-то мудрёный, немецкий.

– Бергеш… бергеш… – Мухин запнулся, покраснел и махнул рукой. – Горный, в общем-с.

В отставке шурин уже лет пять и живёт у Мухиных. Вместе с камнями. Камни у него везде: в сундуках, на окнах, в шкафу вместо посуды.

– Супруга моя, сестрица его, плачет-с, – пожаловался Никанор Ильич. – В доме ступить некуда-с. Давеча в щах камень нашли-с. Он говорит – не его. А по глазам видать – его-с.

– Познакомите? – поинтересовался я, опять же небрежно, чтобы не выдать истинного интереса.

– Всенепременно-с! После похорон-с! – Мухин понизил голос. – Только вы, ваше сиятельство, с ним поосторожнее-с. Заговорит-с. Я один раз спросил, отчего булыжник серый. Три часа слушал-с. Много умных слов узнал, но отчего серый, так и не понял.

– Значит, после похорон всё обсудим, – подвёл я итог. – Устройте мне встречу с вашим шурином, а насчёт участия в строительстве завода мы с вами потом поговорим.

– Конечно! – Никанор Ильич приложил руку к груди. – Да я для вас… да я за вас…

Что именно за меня и для меня, я так и не понял: Мухина слишком распирало от нахлынувших чувств. Однако это неважно. Главное, что этот глуповатый человек приведёт

мне специалиста, способного определить особенность пустоши.

Мы ещё полчаса поговорили. Уже больше ни о чём. Вернее, сам-то Никанор Ильич вещал весьма увлечённо, но я, если честно, не особо слушал. Там в основном речь шла о соседях и о сплетнях, которые в последнее время были на слуху. В моей голове уже выстраивалась схема действий на ближайшее время.

Отвлекли нас от беседы стук колёс и конское фырканье. Тут же в столовую влетел Сенька.

– Барин! Купцы прикатили!

Мухин подскочил на стуле, будто его кольнули шилом, и, на ходу поправляя креп, засеменил к дверям. Флюгер почуял новый ветер.

Я подошёл к окну, посмотрел во двор. Там и правда стало как-то непривычно людно.

У крыльца стояла знакомая коляска. Только кучер на этот раз был при чёрном кушаке и лицо старался держать соответствующее.

Первой на землю ступила Аграфена Кондратьевна. Лиловый шёлк сменился на чёрный, но рукава у платья остались такими же раздутыми, так что купчиха по-прежнему напоминала квашню. Траурную. Следом выбралась Клавдия Силишна, за ней Варвара Гордеевна. Обе с постными лицами и в чёрных кружевных платках.

Последним, неторопливо, вылез Гордей Силыч. Огляде-

ся. Посмотрел на конюшню, потом на каретный сарай. Будто прикидывал, сколько тут чего осталось.

Помимо семейства имелась ещё одна особа, пока мне незнакомая. Она сидела на облучке, рядом с кучером, но как только Бутримовы выбрались из коляски, моментально спрыгнула и замерла у купеческой дочери за спиной. Так понимаю, что-то типа Сеньки, только в женском варианте. Служанка Варвары Гордеевны.

Выглядела девица весьма симпатичной. Лет двадцати, румяная, с длинной русой косой. Она отряхнула юбку, огляделась по сторонам. Взгляд у неё был живой и крайне… как бы это сказать… ну точно как у Сеньки.

Я ещё пару секунд пялился на прибывших, затем двинул из комнаты на крыльцо, чтобы встретить гостей.

Мухин, естественно, оказался первым. Он уже стоял возле ступеней и кланялся всем Бутримовым сразу, но строго по старшинству. Самый глубокий поклон достался Гордею Силычу. На Варвару Гордеевну у Никанора Ильича ушло три подряд. Видимо, на всякий случай. Вдруг она тоже окажется полезным человеком. Аграфене Кондратьевне и Клавдии Силишне достались скромные полупоклоны.

Моя неудавшаяся невеста на пресмыкательства Мухина никак не отреагировала. Она стояла с каменным лицом и смотрела в одну точку. Только на долю мгновения, когда у Никанора Ильича от усердия закружилась голова и он едва не улетел носом вперёд, уголки её губ еле заметно дрогнули.

Совсем чуть-чуть. Варвара Гордеевна тут же прикусила губу и… наткнулась взглядом на меня. Секунду мы смотрели друг на друга. Потом купеческая дочка быстро отвернулась.

Гордей Силыч неторопливо поднялся на крыльцо.

– Аркадий Петрович. – Поклонился он ровно как положено, ни больше ни меньше. – Ещё раз примите соболезнования. От всего семейства.

– Благодарю, Гордей Силыч, – кивнул я в ответ. – И за вино отдельно.

– Пустое, – отмахнулся купец. – Если понадобится помощь, всегда обращайтесь.

Мы снова как два дурака поклонились друг другу – Бутримов, видимо, по протоколу, я чисто машинально, – после этого гости двинули в дом. Впереди семейства семенил Мухин, который уже начал что-то активно втирать Аграфене Кондратьевне. Наверное, точно знал – эта его не пошлёт.

А вот Сенька замер истуканом. Он стоял и пялился на девицу с русой косой. Та в дом не торопилась, что-то тихонько говорила кучеру.

Арсений вдруг резко расправил плечи, выпятил грудь, а затем, высоко поднимая колени, будто самый настоящий петух, спустился к коляске.

– Здравствуйте вам, – солидно сообщил он девице. – Арсений. При барине состою.

Девица смерила его взглядом. С головы до ног.

– А я при барышне, – ответила она. – И что?

Сенька подумал.

– Дык… ничего.

– Ну вот то-то и оно, – усмехнулась русоволосая.

– Дунька! – донёсся с крыльца голос Аграфены Кондратьевны. – Шаль прими!

Девица сорвалась с места и рванула вслед за хозяевами.

Не успели Бутримовы войти в дом, как вдалеке раздался знакомый колокольчик. Правда, на этот раз он оказался подвязан. Видимо, из уважения к покойному. И звенел, только когда коляска подпрыгивала на колдобинах. Колдобин в Столпово хватало, так что уважение у Евсея Мартыновича вышло прерывистым.

Тройка въехала во двор, притормозила возле крыльца. Бутримовы, которые уже вошли, тут же резко подались назад. Видимо, встретить Пряникова лично Гордей Силыч счёл разумным и полезным. Сегодня графа хоронят, а завтра, глядишь, у тебя проблемы начнутся. С исправником надо дружить.

Евсей Мартынович выбрался из коляски, вытер лоб платком, снял шляпу, посмотрел на меня.

– Ну надо же, ваше сиятельство, вы на месте, – заметил он. – Похвально.

– Так похороны, – развёл я руками. Получилось вроде как с сожалением. – Вы проходите, проходите. Не стесняйтесь. Все свои.

– Свои, – согласился исправник, а потом весьма туманно

добавил: – Это меня и беспокоит.

Пока Гордей Силыч приветствовал на крыльце Пряникова, явился ещё один «гость».

Во двор въехала самая настоящая телега. Правил ею бородатый мужик в рваной шапке, а в самой телеге, вцепившись обеими руками в борт, сидел Аристарх Львович Гиацинтов. В том же потёртом мундирном сюртуке, только с чёрной лентой на рукаве. Телега ещё катилась, а регистратор уже соскочил на землю, чуть не упал, выровнялся и закричал на весь двор:

– Аркадий Петрович! Друг мой! Примите соболезнования от ближайшего, смею сказать, вашего друга!

Гиацинтов оказался крайне исполнительным малым. Я сказал ему не скрывать нашего знакомства, так он мои слова понял буквально. Решил кричать об этом на всё имение.

Естественно, после такого заявления все, кто был на крыльце, заметно оживились. Даже Аграфена Кондратьевна выглянула на улицу, а из-за её спины тут же высунулся Мухин. Они оба внимательно посмотрели на Гиацинтова, решая, достоин ли их внимания явившийся господин. Потом, видимо решив, что точно не достоин, оба снова исчезли в доме.

– Однако… – протянул задумчиво Пряников. – Я и не знал, Аркадий Петрович, что несколько встреч с господином Гиацинтовым так скоро и так неожиданно превратились в приятельские отношения…

Сказано это было вполне благодушно. Только глаза у исправника оставались цепкими.

– Так ведь горе, Евсей Мартынович, людей сближает, – скорбно вздохнул я. – Вот и мы с вами, глядишь, скоро подружимся. Третий день подряд видимся.

Пряников на секунду задумался. Видимо, представил, по какому поводу можем увидеться в четвёртый раз.

– Не приведи Господь, – искренне ответил он.

Аристарх Львович тем временем взлетел на крыльцо. Поклонился исправнику, Бутримову. Затем так же шустро спустился вниз, поклонился мне. И зашептал, не разгибаясь, куда-то в район моего пупка:

– Всё при мне-с. Как обещался-с.

После чего похлопал себя по груди. Под сюртуком громко, на весь двор, хрустнула бумага.

Пряников, который уже двинулся к дверям, остановился, медленно повернул голову.

Гиацинтов побледнел, выпрямился и, глядя Евсею Мартыновичу прямо в глаза, с надрывом всхлипнул. Видимо, для маскировки.

– Скорблю-с, – пояснил он.

– Вижу, – кивнул исправник.

– Потом, – тихо сказал я регистратору. – После похорон.

Аристарх Львович понимающе закивал, огляделся по сторонам, будто проверял, нет ли поблизости шпионов, и подмигнул мне.

Когда все гости наконец утолклись и собрались в одной комнате, явился отец Никодим. Пешком.

Шёл он неторопливо, с достоинством и остановками. Впереди шагал пономарь с крестом. Этот то и дело оглядывался, проверяя, не отстал ли батюшка, а батюшка, надо признать, отставал сильно. Позади семенил дьячок с кадилом и, судя по выражению лица, молился, чтобы отец Никодим вообще добрался до усопшего.

Литию служили в гостиной. Голос у отца Никодима был такой, что стёкла в рамах отзывались на каждый возглас мелким дребезжанием. Беда заключалась в том, что между возгласами батюшке требовалось дышать. Дышал он долго, со свистом, и паузы эти дьячок заполнял как умел. Пока отец Никодим набирал воздуху, тот успевал пропеть «Господи, помилуй» дважды. Иногда трижды. По количеству «помилуй» можно было с точностью судить о состоянии батюшкиных лёгких.

Ордена, которые недавно красовались на графском мундире, теперь лежали на бархатной подушке. Наум снял их сам, перед выносом, никого не спрашивая. Как выяснилось, в землю ордена не кладут. Их положено вернуть в казну. Вот так. Единственное имущество Петра Николаевича, которое не успели заложить, и то оказалось казённым.

Потом шестеро мужиков из столповских, явившихся сразу после появления отца Никодима, подняли гроб на плечи и понесли к выходу.

Впереди пономарь нёс крест. За ним ещё двое крестьян тащили крышку гроба. Агафья объяснила, что так положено.

Следом шёл Наум с подушкой. Строевым шагом, глядя строго перед собой. Ни на мужиков, ни на провожающих, ни на меня ни разу не посмотрел. За Наумом – отец Никодим с дьячком. За ними – гроб. За гробом – я.

Позади меня выстроились остальные.

Мухин, как дворянин, по всем правилам должен был идти впереди купеческого семейства. Это он понимал. Но Гордей Силыч так-то богаче всего уезда разом. Это Никанор Ильич понимал ещё лучше. Поэтому сначала он пристроился рядом со мной. Потом оглянулся на Бутримова, смутился и отступил ему за спину. Потом увидел Пряникова и отступил за спину исправнику. Потом сообразил, что идёт уже сильно позади купца, а это для потомственного дворянина вроде как неприлично, и начал пробираться обратно.

Так и метался всю дорогу. Туда-сюда. Будто никак не мог решить, что ему дороже: честь или не обидеть нужных людей.

Слева ко мне пристроился Гиацинтов. Как ближайший друг. Мухин минут через десять нашего шествия обнаружил, что место возле молодого графа занимает какой-то коллежский регистратор, и тут же забыл про Бутримова. Никанор Ильич в очередной раз рванул вперёд, пошёл рядом со мной, но справа. Со стороны, наверное, казалось, будто безутешного сына ведут под руки, чтобы не упал от горя.

Колокол на церкви ударил, когда мы вышли за ворота. Бил он медленно, с долгими промежутками. Вдоль дороги стояли столповские: мужики без шапок, бабы с ребятнёй. Крестились, вздыхали, утирали глаза. Некоторые, правда, смотрели не столько на гроб, сколько на меня. С живым, неподдельным интересом.

Остановок на пути до церкви случилось четыре. Агафья потом пояснила, что на перекрёстках положено служить литию. Перекрёсток между усадьбой и церковью я насчитал один. Остальные три остановки пришлись на те места, где у отца Никодима заканчивался воздух.

Сенька всю дорогу топал рядом с Дунькой. Каким образом он там оказался, если Дунька плелась в хвосте за Бутримовыми, а слуге полагалось идти за барином, – загадка. Подозреваю, Арсений тоже метался, как Мухин. Только делал это более грамотно и с другой целью.

Несколько раз Сенька открывал рот, набирал воздуху, собираясь что-то сказать симпатичной девице… и закрывал обратно.

У самых дверей церкви Дунька не выдержала.

– Чего ты всё рот разеваешь? – громким шёпотом поинтересовалась она. – Мух ловишь?

Про мух, видимо, у Бутримовых наболевшее.

Сенька не нашёлся что ответить. Впервые на моей памяти.

В церковь набилось, кажется, всё Столпово. Кто не поместился, толпились на паперти и заглядывали в двери поверх

голов.

Внутри, не то что на дороге, порядок соблюдали строго: мужчины справа, женщины слева. Сенька, которого от Дуньки теперь отделяло приличное расстояние, откровенно маялся и страдал. Стоял он, как положено, лицом к алтарю. Только голову при этом свернул влево так, что, казалось, ещё немного – и она открутится совсем. Отец Никодим, обходя храм с кадилом, возле Сеньки задержался и окадил его отдельно. С особым тщанием. Тоже, наверное, заметил, что раб Божий Арсений молится куда-то не туда.

Варвара Гордеевна стояла между матерью и тёткой, прямая, со свечой в руке. Свеча понемногу оплывала и таяла. Купеческая дочка – нет.

Гиацинтов пристроился слева от меня и молился так, как, наверное, не молился даже о следующем чине. Истово, с поясными поклонами. На каждом поклоне под сюртуком у него хрустело.

На третьем хрусте отец Никодим сбился и покосился в нашу сторону. Пряников, стоявший у меня за спиной, на четвёртом перестал креститься. Склонил голову набок и начал прислушиваться.

Не поворачивая головы, я наступил Аристарху Львовичу на ногу. Регистратор понял правильно. Молиться не перестал, но кланяться начал вполовину. Хрустело теперь значительно меньше.

Под конец отец Никодим прочёл разрешительную молит-

ву, свернул какой-то листок и вложил покойнику в руку. Насколько я разобрал, Петру Николаевичу отпускались все грехи, вольные и невольные. Про закладные, к сожалению, там не говорилось ни слова.

Потом настало последнее целование. Первым, как сыну, подходить полагалось мне.

Пётр Николаевич лежал строгий, с поджатыми губами. Казалось, сейчас откроет глаза, оглядит меня с головы до ног и поинтересуется, много ли я нынче спустил на карты да девок.

Знакомы мы с ним были меньше двух суток. И за это время до сути так ни разу и не добрались. Он в меня чернильницей, я в него почти табуретом. Вот и весь разговор отца с сыном.

А ведь звал. «Немедля». Дело, мол, не терпит отлагательства. Что за дело, теперь уже не спросишь.

Наклонившись, я коснулся губами венчика.

Ладно, папенька. Разберусь. Раз уж больше некому.

«Вечную память» отец Никодим с дьячком затянули на два голоса. Почти сразу к ним прибился третий. Мухин. Пел Никанор Ильич громче дьячка и на полтакта раньше. Чтобы, значит, первым-с.

Мужики подняли гроб на плечи, и мы двинулись к выходу. В дверях со мной поравнялся Пряников.

– Шуршит, – вполголоса заметил он, кивнув на Гиацинтова.

– Бумага, – согласился я. – Канцелярский человек, Евсей Мартынович. Ему без бумаги и помолиться неспокойно.

Исправник хмыкнул. Спорить на церковном пороге он не стал, только ещё раз внимательно оглядел Аристарха Львовича. Так смотрят на запертый сундук, когда наверняка знают, что внутри что-то есть.

Глава 5: Весь мир театр, а люди в нём актеры

Семейное кладбище Вельяминовых находилось сразу за церковью. Несколько каменных плит, вросших в землю почти по самую надпись, пара крестов и свежая яма с краю. Возле ямы, опираясь на лопаты, ждали мужики, которые её вчера копали.

Дождь, обещанный с утра коленом Никанора Ильича, так и не собрался. Наоборот. Солнце жарило настолько сильно, что хотелось снять сюртук, а вместе с ним и всё остальное. Отец Никодим посмотрел на небо, поморщился, будто осуждая неуместную жару, затем начал литию.

Как только батюшка закончил, двое мужиков приладили крышку и взялись за гвозди. Молоток стучал на всё кладбище. Наум, стоявший у изголовья с подушкой, от каждого удара вздрагивал. Сам он этого, судя по всему, не замечал. Смотрел прямо перед собой, как в церкви, только желваки на скулах ходили.

Гроб опустили на длинных кусках ткани, похожих на полотенца. Отец Никодим бросил вниз горсть земли крестом. Следом полагалось мне.

Я наклонился, набрал горсть. Сыпанул в яму. Земля глухо стукнула о крышку и раскатилась по краям. Вот теперь,

пожалуй, всё. С этой минуты граф Вельяминов в Столпове остался один. Я.

За мной потянулись остальные. Гордей Силыч бросил свою аккуратно, без лишних движений. Аграфена Кондратьевна всхлипнула и осторожно уронила землю на гроб. Гиацинтов бросал левой рукой. Правой он придерживал на груди сюртук. Когда все, кому полагается, отметились, мужики начали закапывать папеньку.

Делали они свою работу куда бодрее, чем те, которые несли гроб. Агафья, стоявшая чуть в сторонке, время от времени похлопывала себя по боку, где под передником висел ключ от ледника. Копачи на это похлопывание реагировали, как лошади на торбу с овсом – махали лопатами ещё шибче. Минут через десять над ямой вырос аккуратный холмик.

Наум ушёл с кладбища первым. Постоял у могилы, потом развернулся через левое плечо и зашагал к усадьбе. Подушку с орденами нёс перед собой, так же как в церковь.

Странно… Смерть графа для денщика вроде как самая настоящая трагедия. Что же они не поделили перед моим приездом?

Ладно. С Наумом потом. Сегодня и без того дел хватает. Например, Гиацинтов с его информацией. Похороны закончились, и Аристарх Львович снова начал сигнализировать мне похлопываниями по собственному сюртуку. Мол, вот она, бумажечка, заберите, ваше сиятельство.

Едва мы двинулись с кладбища, он пристроился ко мне

слева, набрал воздуху и открыл рот, собираясь что-то сказать.

Не успел. Справа от меня, отдуваясь и вытирая лоб, нарисовался Евсей Мартынович. Вёл себя исправник так естественно, будто ничего не происходит и ему просто очень хочется шагать рядом с молодым графом.

До самой усадьбы мы так и шли. Втроём. Гиацинтов периодически поворачивал голову, таращил на меня глаза и делал бровями какие-то знаки. Пряников без конца вытирал платком шею, знаков не делал, но отставать не собирался. Я с невинным выражением лица любовался окрестностями. Окрестности, надо признать, ничего примечательного собой не представляли.

Во дворе уже стояли столы для мужиков. Вернее, доски на козлах. На досках – миски с кутьёй, блины стопками, квас в вёдрах. Разливать вино Агафья поставила Марусю, при этом сразу многозначительно зыркнула в сторону собравшихся крестьян. Чтобы те не рассчитывали на добавку. По одной выпили, помянули – и достаточно.

Для господ накрыли в столовой. Вот тут и выяснилось, что поминки в доме, где распродано почти всё, – дело непростое.

Для начала стулья. Их Сенька с Дарьей таскали со всего дома. Из спален, из гостиной, из коридора, и все они были абсолютно разными. Один с высокой спинкой, другой вовсе без спинки, третий на гнутых ножках и с таким продавленным сиденьем, что садиться на него было страшно. Потом

тарелки. Тут тоже был целый ассортимент. Парочка от старого сервиза, ещё три с отбитыми краями, Мухину и Гиацинтову вообще достались обычные миски.

Рассаживала гостей Агафья. Лично. По собственному табелю о рангах. Меня она усадила посередине длинной стороны. По правую руку велела устраиваться отцу Никодиму. По левую – Пряникову. За Евсеем Мартыновичем было определено место для Мухина, потом для Гордея Силыча. Дьячка с пономарём отправила в другой конец стола.

Самый скромный табурет, как и самое далёкое от меня место, досталось Гиацинтову. Однако его это совершенно не расстроило. Аристарх Львович сел за стол с таким видом, будто ему пожаловали кресло в Сенате. Ещё бы. Коллежский регистратор за одним столом с графом, исправником и первогильдейским купцом. Коллегам хвалиться – на месяц хватит.

Потом Агафья усадила дам, с противоположной стороны. Аграфену Кондратьевну, Клавдию Силишну, а между ними – Варвару Гордеевну. Последнюю – аккурат напротив меня.

– Барин, – тут же зашипел мне в ухо Сенька, который стоял за моим стулом. – Агафья Тихоновна барышню на хозяйкино место посадили!

Я покосился на няньку. Та с самым невинным видом поправляла на столе солонку и полностью игнорировала мой вопросительный взгляд. Мол, ничего сверхъестественного не произошло. Вот ведь вредная старуха. Похоже, желание

свести меня с дочерью Бутримова Агафья переняла от папеньки, как наследство.

Варвара Гордеевна растерянно глянула на мать, та сделала еле заметный кивок. Мол, садись и не выёживайся. Так понимаю, после смерти батюшки графа все мои минусы, столь успешно продемонстрированные при прошлой встрече, утратили свою актуальность. Ну или второй вариант. Гордей Силыч посоветовал супруге не крутить носом и брать того графа, который есть. Потому как другие графья не факт, что захотят жениться на купеческой дочке.

Варвара нахмурилась, но спорить не стала. Заняла то место, что предоставили. Села, сложила руки на коленях, опустила глаза в тарелку. Только уши у неё резко покраснели.

За стулом барышни встала Дунька. Получилось ровно напротив Сеньки. Тот за моей спиной вытянулся и затих. Кажется, даже дышать перестал.

– Вы уж позвольте, Аркадий Петрович, – оживился вдруг Пряников. – Я с краешку, пожалуй, присяду. Не привык, знаете, на почётных местах. Мы люди служивые, нам бы где попроще.

Не дожидаясь ответа, он обошёл стол, попросил пономаря подвинуться. Пономарь подхватил тарелку, покрутил головой, затем послушно переместился на то место, где должен сидеть исправник. Другого-то нет. В итоге Пряников устроился в самом конце. Рядом с Гиацинтовым.

Аристарх Львович на своём табурете как-то сразу стал ни-

же ростом.

Агафья поджала губы, но промолчала. По чину придраться было не к чему.

Отец Никодим благословил трапезу.

Я жевал кутью и поглядывал в конец стола. Гиацинтов сидел на табурете прямо, будто аршин проглотил, старательно не смотрел в мою сторону. Пряников рядом с ним неторопливо накладывал себе блинов и на меня тоже не смотрел. Получалось это у обоих так замечательно, что сразу было понятно: оба сильно стараются.

Первые полчаса поминки шли чинно. Ели молча, крестились, вздыхали. Отец Никодим налегал на рыбный пирог так основательно, будто это тоже входило в его обязанности. Дьячок активно не отставал от батюшки.

Зато пономарь, оказавшийся по левую руку от меня, за всё это время не проглотил ни крошки. Сидел на самом краешке стула, держал ложку, как свечку, и смотрел в тарелку. Соседство с графом напрочь отбило у человека аппетит.

Сенька за моей спиной честно исполнял обязанности. Подавал, убирал, подливал. Правда, делал он всё это, не сводя глаз с Дуньки. Два раза чуть не разлил вино, один раз уронил прямо мне на голову салфетку. Пришлось на него легонько прикрикнуть, чисто вполголоса, пока слуга не вывалил на барина что-нибудь посерьёзнее, например кашу.

Ещё минут через двадцать захмелевший Мухин решил: а чего бы не сказать пару слов об усопшем? Он поднялся с

чаркой в руке, откашлялся.

– Ну будет сейчас дело… – тихо пробормотал Сенька.

А вот остальные даже оживились. Видимо, никто не ждал от Никанора Ильича чего-то путного, но никто не сомневался: Мухин что-то исполнит.

– Позвольте-с… – сосед обвёл присутствующих туманным взглядом. – Позвольте слово-с. О покойном-с.

Количество «-с» в речи Мухина начало нарушать уже все мыслимые пределы.

– Пётр Николаевич-с… – начал он и тут же всхлипнул. – Пётр Николаевич были человек строгий-с. Но справедливый-с! Я ведь к ним сколько лет по-соседски-с… И на Рождество-с. И на Пасху-с. И на именины-с. Каждый раз-с!

– И что, пускали? – уточнил Пряников с дальнего конца стола.

– Никак нет-с! – с гордостью ответил Никанор Ильич. – Ни единого разу-с! Выйдут, бывало, на крыльцо-с и говорят…

Он запнулся. Покосился на дам.

– Разное говорили-с, – закончил Мухин после короткой паузы. – Душевно-с. От сердца-с. Я каждое слово помню-с. Только при дамах повторять не стану-с.

Агафья у двери фыркнула. Она, судя по всему, тоже помнила каждое слово. И при дамах повторила бы с большим удовольствием.

– А я ведь понимал-с! – Голос у Мухина задрожал. – Стро-

гость, она ведь от заботы-с! Чтобы, значит, не баловался-с. Как отец-с!

Выходило, что строгостью папенька одаривал нас с Никанором Ильичом поровну. Меня, правда, всё-таки пускал в дом.

– Царствие им небесное-с! – выдохнул Мухин и опрокинул чарку.

Выпил он залпом, от души. После чего побагровел, закашлялся и долго махал перед лицом ладонью. Купеческое вино явно пошло не в то горло.

– Царствие небесное, – прогудел отец Никодим.

Выпили все. Даже пономарь. Причём сделал он это с таким облегчением, будто ему наконец хоть что-то разрешили.

Гиацинтов всё это время ёрзал на своём табурете. Видно было, что бумага за пазухой не даёт ему покоя. Его правая рука то и дело тянулась к груди, где под сюртуком была спрятана важная для меня информация. Оттого со стороны казалось, будто у регистратора то и дело прихватывает сердечко.

– Вы, Аристарх Львович, за сердце-то не хватайтесь, – заботливо посоветовал Пряников, даже не повернув головы. – У нас в уезде нынче кто за сердце хватается, тот потом в окна прыгает. А кто в окно прыгает, так с теми, не поверите, такие забавные случаи приключаются.

Евсей Мартынович подхватил с тарелки блин, положил Гиацинтову:

– Вы лучше кушайте, Аристарх Львович. Кушайте.

Вскоре Агафья внесла кисель.

– Кисель подали, барин, – прошептал мне в ухо Сенька. – Стало быть, всё. Расходиться пора.

Гости и правда разом зашевелились. Видать, тут по киселю определяют время, когда пора откланяться. Отец Никодим доел, перекрестился и с явным сожалением отодвинул тарелку. Остальные тоже засобирались. Варвара Гордеевна под шумок выскользнула из столовой первой.

Один Мухин доедал свой кисель медленно, по ложечке. Уходить из дома, куда его столько лет не пускали, Никанору Ильичу явно не хотелось.

Пряников, к слову, тоже никуда не торопился. Дождался, пока Гиацинтов выберется из-за стола, ласково взял его под локоток.

– Я вас, Аристарх Львович, до Епифани подвезу. Нам по пути. Вы ведь, как я понимаю, на телеге прибыли? Негоже, негоже… Чай, не крестьянин какой, а регистратор.

Гиацинтов вздрогнул, посмотрел на меня с тоской. Мол, ваше сиятельство, спасайте.

Вот ведь исправник, гад хитроумный. Делает всё, чтобы не дать нам с регистратором остаться наедине. Чует что-то.

Срочно требовалась тяжёлая артиллерия, способная отвлечь Евсея Мартыновича.

Я повернулся к Мухину. Он как раз выскребал ложкой миску.

– Никанор Ильич, – позвал соседа. – Вы мне утром но-

вости уезда рассказывали. Помните? Господину исправнику, думаю, по службе тоже интересно будет.

Мухин отложил ложку. Посмотрел на меня, потом на исправника. Глаза у него загорелись так, будто ему предложили выступить в губернском собрании.

– Всенепременно-с! – Никанор Ильич выбрался из-за стола, в три шага оказался возле Пряникова. – Евсей Мартынович! Вы ведь, я слыхал, убийства расследуете-с?

– Расследую, – осторожно согласился исправник.

– Так у нас в Мухине тоже-с! Третьего дня-с! Убили-с!

Пряников заметно напрягся.

– Кого?

– Гуся-с! – Мухин понизил голос, ухватил исправника за рукав. – И я, кажется, знаю кто-с!

Евсей Мартынович попытался высвободить рукав. Мухин держал крепко. Чтобы от него отцепиться, Пряникову пришлось выпустить локоть Гиацинтова.

Мне этого хватило.

– Аристарх Львович, – я мгновенно оказался рядом с регистратором, – пойдёмте, провожу вас во двор.

В сени мы буквально выбежали под громкий и крайне занимательный рассказ Мухина о погибшем гусе. Судя по обрывкам фраз, летевшим нам в спину, гусь был не простой, а с характером, и соседи давно на него зарились.

Едва оказались на крыльце, Гиацинтов выдернул из-за пазухи бумагу, сунул мне в руки.

– Тут всё, ваше сиятельство, – зашептал он. – И фамилия, и суммы. А в самом низу про ваше совершеннолетие приписано. Это важно! Вы непременно прочтите-с!

О каком совершеннолетии речь, я так и не понял. Но переспросить не успел. Дверь распахнулась, и на пороге возник Пряников. Красный, злой, нервно одёргивающий рукав. Из-за его спины доносилось:

– …а голову-то так и не нашли-с!

Бумага к этому времени уже лежала у меня под жилетом.

– Едемте, Аристарх Львович, – сказал исправник.

Он окинул Гиацинтова подозрительным взглядом. Задержался на сюртуке регистратора. Затем перевёл взгляд на меня. В ответ я состроил самое скорбное лицо, на какое был способен.

Пряников вздохнул, взял Гиацинтова под локоток и повёл к тройке. По недовольной физиономии Евсея Мартыновича было видно: он раздосадован, что позволил нам с Аристархом Львовичем несколько минут провести наедине, без свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.